

№145 2018 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

«ОН ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ»

Шалинский городской суд Чечни продолжает рассматривать дело главы Грозненского представительства Правозащитного центра «Мемориал» Оюба Титиева, которому вменяется хранение наркотиков. А в Москве Олега Орлова, члена Совета ПЦ «Мемориал», оштрафовали за пикет в поддержку Оюба Титиева. Заседание по аналогичному обвинению Светланы Ганнушкиной состоится 1 октября.

9 июля на Манежной площади в Москве задержали председателя Комитета «Гражданское содействие» Светлану Ганнушкину и члена Совета ПЦ «Мемориал» Олега Орлова, вышедших с пикетами в поддержку арестованного в Чечне правозащитника Оюба Титиева. Правозащитники уверены, что Титиев арестован по политическим мотивам, а дело против него сфальсифицировано.

Ганнушкина и Орлов держали в руках плакаты «Свободу Оюбу Титиеву!». После короткого разговора полиция задержала правозащитников и отвезла в ОВД «Китай-город», где на них составили протокол за нарушение установленного порядка проведения акции.

13 сентября 2018 года Тверской районный суд рассмотрел дело об административной ответственности председателя совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова за нарушение им ч. 5 ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Орлов в своем выступлении сказал, в частности, следующее: «Начавшийся в Чечне политический процесс над нашим товарищем Оюбом Титиевым, с нашей точки зрения, является очень важным для российского общества и международной общественности событием. Обвинение против Титиева целиком фальсифицировано, он является политическим заключенным. На это общество должно реагировать. Поэтому мы считали неотложной необходимостью именно 9 июля и именно в центре Москвы провести акцию для того, чтобы довести важную информацию до граждан нашей страны, до приехавших в Москву гостей, до СМИ».

Олег Орлов был признан виновным в нарушении ч. 5 ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, ему назначили наказание в виде штрафа 10 тысяч рублей. Защитник Орлова Денис Шедов заявил, что это решение суда будет обжаловано.

Суд по аналогичному обвинению Светланы Ганнушкиной состоится в Тверском суде 1 октября.

Олег Орлов рассказал корреспонденту «30 октября», что прохожие не успели обратить большого внимания на пикетчиков, так как те стояли не более пяти минут. Немногочисленные свидетели мероприятия разделились на две группы: на тех, кто подходил и расспрашивал правозащитников о деле Титиева, и

Продолжение на с. 6

«ПЕРМЬ-36. ПРЕДЫСТОРИЯ» — ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ ЛАГЕРЯ

Пермское отделение «Мемориала» издало книгу Леонида Обухова «Пермь-36. Предыстория» из серии «Истории политических репрессий». В монографии Леонида Обухова показана история исправительно-трудовой колонии №6, функционировавшей в Прикамье с 1942 по 1972 год. С одной стороны, это была типичная колония сталинского ГУЛАГа, с другой — история этой колонии уникальна. После смерти Сталина колония была перепрофилирована для содержания бывших работников правоохранительных органов, суда, прокуратуры, администрации лагерей. В 1972 году на базе ИТК №6 был организован один из самых известных лагерей для политических заключенных, получивший в диссидентских кругах название «Пермь-36».

Автор монографии Леонид Обухов — профессор Пермского государственного университета и научный руководитель АНО «Мемориальный центр истории политических репрессий «Пермь-36». Презентация серьезной исследовательской работы историка и одного из ведущих специалистов АНО состоялась в рамках Гражданских сезонов

«Пермские дни памяти» в начале сентября 2018 года.

Работа над книгой шла не один год. Она была задумана основателями музея «Пермь-36» Виктором Шмыровым, Татьяной Курсиной и автором Леонидом Обуховым в тот период, когда музей активно занимался научно-исследовательской работой (до передачи мемориального комплекса в ведение

краевого министерства культуры). И вот, наконец, книга под названием «Пермь-36. Предыстория: ИТК №6 1942–1972 гг.» увидела свет.

Появление книги прокомментировал для «30 октября» директор АНО «Пермь-36», основатель и первый директор Музея политических репрессий «Пермь-36» Виктор Шмыров.

Книга Леонида Обухова целиком построена на архивных материалах. В ней детально рассматривается история лагеря с момента его создания до превращения в место содержания политзаключенных в 1972 году. Эта книга — подробное описание истории обычного лагеря. Есть значительная литература, посвященная ГУЛАГу, но подробное

Окончание на с. 3

Сандармох, одно из немногих выявленных в России мест массовых расстрелов жертв сталинской эпохи, в последнее время оказался в центре внимания государственных и связанных с государством структур.

Напомним, что Сандармох был обнаружен в 1997 году совместной экспедицией Петербургского и Петрозаводского «Мемориалов», разыскавших место расстрела в октябре-ноябре 1937 года IIII заключенных Соловецкой тюрьмы особого назначения. Впоследствии одному из участников экспедиции, Юрию Дмитриеву, удалось добавить к «соловецкому списку» имена большинства (или, может быть, даже всех) людей, убитых на этом расстрельном полигоне. В 2000 году Сандармох признали историко-культурным памятником.

СТРАННОЕ «РАЗГРАНИЧЕНИЕ НАПЛАСТОВАНИЙ»

В июле 2016 года профессор ПетрГУ Юрий Килин опубликовал в финской газете Kalev гипотезу о том, что в Сандармохе захоронены расстрелянные финнами советские военнопленные. Эту гипотезу поддержал коллега Килина профессор Сергей Веригин, заявивший, что финны хоронили расстрелянных военнослужащих там же, в Сандармохе. Правда,

опирались они на документы СМЕРШ — протоколы допросов пленных, сумевших бежать из лагерей и перейти линию фронта, где слово «Сандармох» не упоминалось, а говорилось лишь о жестких условиях содержания военнопленных в финских лагерях в Медвежьегорском районе.

Окончание на с. 8

Всех, кто был знаком с Екатериной Константиновной Лившиц, вдовой Бенедикта Лившица, поражала ее удивительная цельность, открытость и не зависящая от возраста грациозность. Общение с ней было по-особому насыщенным и праздничным, в ее безукоризненной речи, простоте — даже в осанке — дышала сегодня уже совершенно непредставимая эпоха.

«Я С МЕРТВЫМИ НЕ РАЗВОЖУСЬ!..»: О ЕКАТЕРИНЕ ЛИВШИЦ

СЕМЬЯ

...Она родилась 25 сентября 1902 года в материнском поместье Завалье близ Тульчина, что под Винницей, в семье банковского служащего. Ее дед по матери был кадровым офицером, и свою, столь неожиданную для нее самой, стойкость к бесчисленным жизненным невзгодам и испытаниям она, улыбаясь, не раз объясняла именно «офицерской costочкой».

Со своим будущим мужем Екатерина Константиновна познакомилась в Киеве зимой 1920 года. Ее подружки Люба Козинцева, Соня Вишневецкая и Надя Хазина занимались живописью у Александры Экстер, она же выбрала стезю балерины и записалась в класс Брониславы Нижинской, се-

стры знаменитого танцовщика, актрисы Мариинского театра, а затем дягилевской труппы. На вечерние репетиции нередко приходили люди искусства, в том числе и Лившиц. Там-то он и увидел Катю Скачкову, которой тогда еще не было и девятнадцати лет...

14 июля 1921 года 35-летний Бенедикт Константинович Лившиц и 19-летняя Екатерина Константиновна Скачкова-Гуриновская повенчались церковным браком, на чем настаивал еврейский жених, только что — с невероятным трудом! — расторгший узы своего гражданского и церковного брака с Верой Александровной Вертер-Жуковой. Лившиц венчался в визитном костюме (визитка — вид мужского костюма-полуфра-

ка, особенно популярного в качестве повседневной одежды в XIX веке; после Первой мировой войны такие костюмы принято было надевать лишь в исключительных случаях — на свадьбы, похороны, церемонии. — Примеч. «30 октября») и чужой сорочке с пластронном, а невесте родители в каждую туфельку — чтобы богато жилось! — зашили по императору (император — российская золотая монета. — Примеч. «30 октября»).

В 1922 году — не без помощи Корнея Чуковского — Лившицы переехали в Ленинград, куда вскоре перебрались и родители Екатерины.

Дорогие читатели!

Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала».

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

Тулский «интинец» с. 2

Акция памяти в Санкт-Петербурге с. 2

«Последний адрес» в Краснокамске с. 3

Выставка «После полудня. 1968» с. 4

Лянозовская сага с. 9

Ида Наппельбаум² охотно вспоминала первое посещение Лившицами ее «литературных понедельников»: «Б.Лившиц и его очаровательная жена сразу же включились в атмосферу нового общества и стали его членами»³.

В 1925 году пара поселилась в Царском Селе, где 25 декабря 1925 года у них родился сын Кирилл или, как все его называли, Кика (домашние имена самих Б.К.Л. и Е.К.Л. — Бен и Тата). Его крестными были Михаил Кузмин и Надежда Мандельштам. Мальчик был крупным, в отца, рос здоровым и сильным, был помешан на моряхах и презирал все женское и штатское.

АРЕСТ МУЖА И СМЕРТЬ СЫНА

В ночь с 25 на 26 октября 1937 года за Бенедиктом Лившицем пришли, громко постучав в двери квартиры №6 по Баскову переулку, 19/26⁴.

Продолжение на с. 10, 11

1. Сердечно благодарю Анатолия Разумова, Губаза Мегрелидзе и Киту Мхеидзе за помощь.

2. Поэтесса, мемуаристка, участница литературного объединения «Звучащая раковина» (1921 г.), которым руководил Н.С.Гумилев. В 1951–1954 гг. была в заключении в Тайшетском лагере.

3. Наппельбаум И.М. Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни / Предисл. В.Перца; ред. и авт. послесл. В.Н.Сажин. — СПб.: Логос, 1995. — С. 73.

4. 25 декабря 2016 г. на этом доме по инициативе В.В.Прозерского, была установлена памятная табличка «Последний адрес».

На снимке: Екатерина Лившиц. Фото из архива автора

РЕГИОНЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ «ОЖИВЛЯЛ» ЖЕРТВ ТЕРРОРА

5 сентября 2018 года у Головкина бастиона Петропавловской крепости Санкт-Петербургский НИЦ «Мемориал» при участии Интерьерного театра провел акцию памяти, посвященную столетней годовщине декрета «О красном терроре».

Акция представляла собой не только митинг, но и музыкально-поэтическое действо, подготовленное коллективом Санкт-Петербургского Интерьерного театра.

На территории Петропавловской крепости открылась однодневная инсталляция — созданные мастерами Интерьерного театра черные силуэты людей на фоне кирпичной стены Головкина бастиона,

символизирующие жертв террора. Организаторы отметили, что 150 черных фигур установлены для того, чтобы «оживить тех, кого они олицетворяют», — участники мероприятия на шею каждой фигуре вешали горящие лампы, а к ногам клали цветы.

До сих пор исследования захоронений в Петропавловской крепости не закончены. Пока удалось идентифицировать только часть останков. На данный момент они хранятся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга. В августе этого года рабочая группа по увековечению памяти жертв политических репрессий при комитете по культуре Санкт-Петербурга приняла решение о захоронении останков репрессированных на городском кладбище Памяти жертв 9 января. Сейчас в Выставочном зале Трубецкого бастиона на территории Петропавловской крепости развернута экспозиция находок,

сделанных во время раскопок на этом месте.

Участники акции отмечали, что с тенденцией замалчивания правды о коммунистическом терроре необходимо бороться распространением правдивой информации и привлечением внимания к проблеме — в частности, проведением публичных акций.

После поминальной церемонии, в которой участвовали все пришедшие около 200 человек, со сцены прозвучали стихи Александра Блока, Анны Ахматовой, Виктора Хородчинского, воспоминания Дмитрия Лихачева, цитаты из заявлений Мартына Лациса и Владимира Ленина.

Акция завершилась митингом, на котором выступили петербургский омбудсмен Александр Шишлов, правозащитники Наталья Евдокимова и Евгений Мысловский, депутат Борис Вишневский, Юлий Рыбаков. Председатель Петербургского «Мемориала» Александр Даниэль, выступая на митинге, объяснил собравшимся, почему «красный террор» является почти современным событием. Причина в том, что все несут наследие «красного террора»: кто-то — со стороны жертв, кто-то — со стороны палачей, кто-то — со стороны борцов, а большинство — со стороны наблюдателей. «Красный террор» и последовавшие за ним события не были осмыслены и поэтому не стали историей. И пока они не будут осмыслены, мы вынуждены нести груз этого наследия.

Напомним: 5 сентября 1918 года постановлением Совета народных комиссаров РСФСР был официально объявлен «красный террор» — репрессивная политика государства по борьбе с контрреволюцией. На территории Петропавловской крепости, по словам историков, были захоронены расстрелянные в ноябре 1917 года юнкера, а в 1921 году у Головкина бастиона были расстреляны участники Кронштадтского мятежа. Массовые захоронения периода 1917–1921 годов были обнаружены у северных стен крепости в 2009–2014 годах.

В результате ряда экспертиз удалось установить имена шестнадцати человек. В их числе — главный санитарный врач Балтийского флота Владимир Ковалевский, комендант Севастопольской крепости контр-адмирал Михаил Веселкин, участники Русско-японской войны Анатолий Де-Симон, Александр Рыков, Павел Плен и другие. Антропологи под руководством старшего научного сотрудника НИИ и Музея антропологии МГУ имени Ломоносова Дениса Пежемского также создали генетический банк данных всех тех, чьи останки были обнаружены в захоронениях.

По материалам страницы Фонда Иофе [iofefund](#) в Facebook

На снимках: Александр Даниэль.

Инсталляция у стен Петропавловской крепости. Фото из архива Фонда Иофе

ТУЛЬСКИЙ «ИНТИНЕЦ»

В Туле на улице Софьи Перовской стоит кооперативный дом № 39. Он был построен в 1965 году для пенсионеров города Инты.

В поселке Инта Кожвинского района Коми АССР в 1941 году был организован Интинский лагерь НКВД и МВД СССР. Он специализировался на геологоразведке, добыче угля, строительстве, лесозаготовках, сельском хозяйстве. В лагере насчитывалось 26 подразделений, 2 строительных района с шестью шахтами, тремя лагпунктами, командировками и подкомандировками, перевалочными базами и лесозаготовками.

В Инту ссылались осужденные по 58-й статье «враги наро-

да», «шпионы» иностранных разведок, приезжали по распределению на работу специалисты. Заключенные, отбыв срок, оставались на поселении, обустроившись, заводили семьи, и постепенно поселок разросся до размеров города.

Условия жизни там были трудные, что компенсировалось высокой зарплатой с учетом северного коэффициента. Вышедшие на пенсию жители Инты хотели встретить старость в лучшем климате, ближе к родным, на «большой земле» и обратились с просьбой в Москву.

Власти решили вопрос: предложили 5 областных центров средней полосы, где среди прочих рассматривалась Тула, которая еди-

ногласно была выбрана властями из-за близости к столице.

Интинцы организовали строительный кооператив, заключили договор со строительной организацией, внесли пай и строго следили за соблюдением всех пунктов договора. Материалы для строительства завозили из Ленинграда, Финляндии, в Польше закупили кафельную плитку. Дом получился крепкий, добротный и, вопреки тогдашним нормам, даже с лифтом.

Членам кооператива принадлежал земельный участок, где были посажены деревья, цветы, кустарник; там соблюдались чистота и порядок. Имелся свой садовник, который даже разбил во дворе розарий. На клумбах была установлена сиг-

нализация. Как только злоумышленник проникал на «запретную» территорию, в квартире садовника раздавался звонок и посягательство на собственность пресекалось.

Обслуживающий дом слесарь имел высшее образование и золотые руки, ходил в костюме, светлой рубашке и шляпе. Всегда опрятный и вежливый, он обеспечивал безукоризненное функционирование сантехнического оборудования подвала и квартир.

Зданию был присвоен статус «Дом высокой культуры». Сюда водили экскурсии, показывая его как образец содержания жилищного фонда.

Наряду с обычными гражданами население дома составляли реабилитированные узники ГУЛАГа и их бывшие охранники. Тем не менее дом жил дружно и весело. Во дворе показывали фильмы, читали политинформацию, приглашали лекторов, организовывали са-

модеятельные концерты, ходили в гости друг к другу, поздравляли с праздниками...

Жители соседних пятиэтажек дали интинскому дому прозвища «Магадан», «Северный». Подразумевалось, что в нем жили богатые люди, скопившие сбережения в местах вечных снегов. На самом деле по документам он значился просто — «Интинец». Вот уже более полувека носит он это интригующее имя. Похоже, «Интинец» — долгожитель, как и его основатели. Но сменилось несколько поколений, и старожилы остались совсем мало.

Спешите общаться и делать маленькие открытия. Среди современных жителей дома не нашлось ни одного, кто бы не опасался поделиться историей своих родных.

Елена СЕРЕГИНА,
Тульский «Мемориал»

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

Юрий Леонидович Чернозатонский — сын репрессированного, давний и постоянный посетитель «Мемориала». Для «30 октября» он написал эссе, в котором анализирует и пытается визуализировать данные таблицы о репрессированных за 1937–1938 годы из мемуаров Ивана Серова. Автор экстраполирует эти данные на сегодняшний день и приходит к нетривиальным выводам.

Не нравятся мне мемуары. Они однобоки и субъективны. Но «Записки из чемодана» Ивана Серова я все-таки купил.

В книге есть таблица, в которой указано количество арестованных и расстрелянных с 1935 по 1940 год. Она взята из документов Президиума ЦК КПСС 1953–1960 г. (доклад комиссии Поспелова).

1937 год — арестованы 918 671, расстреляны 353 074;

1938 год — арестованы 629 695, расстреляны 328 618.

Итого: арестовано 1 548 366 человек, из них приговорено к расстрелу 681 692 человека. Правда, это не значит, что остальные 866 674 человека вернулись домой здоровыми. В тюрьмах люди еще как умирали!

Вот сухие цифры. С чем их можно сравнить? С Германией 1930-х годов сравнивать я не стал. Страшно. Сравнил с Кампучией.

Там тоже марксисты, тоже геноцид, тоже своего народа. У них все это происходило без учета и отче-

та по национальному и социальному признакам. «Ах, ты преподаватель?» — тюк мотыгой и в болото. «Ах, ты не хммер?» — тюк и в болото. В результате население в 8-миллионной стране сократилось до 5 миллионов. Уничтожали 1 миллион в год. Больше, чем у нас, но цифры сопоставимы.

Представить себе все эти сотни тысяч не могу. Я не видел больше пехотного полка в строю. А это чуть больше тысячи. Размах Большого террора умом

не понять, фантазия не работает. Единственная возможность — изменить масштаб.

Утверждается, что Большой террор начался после мартовского пленума 1937 года, а в октябре 1938 года он пошел на спад. Срок — полтора года. 365 умножаем на полтора — получается 548 дней.

1 548 366 человек я разделил на 548 дней и получил 2825 арестованных в день. Разделил на 24 часа — получил 118 человек в час. Это значит, что арестовывали 2 человек в минуту.

Теперь о расстрелянных. 681 892 человека я разделил на 548 дней — получил 1244 человека в день. Разделил на 24 часа — получил 52 человека в час, почти 1 человек в минуту.

Эта арифметика все равно не помогла представить глубину трагедии, и воображение не помогло. Просто эти расчеты ясно показали, что в истории моей Родины был период, «когда срока огромные брели в этапы длинные» (В.Высоцкий), когда в течение полтора лет без выходных, без праздников, без отпусков, без перерывов на обед и без перекуров, круглосуточно, каждую ми-

нуту арестовывали двух человек и одного из них расстреливали. Нет, весь этот ужас я представить себе не могу.

Каждый смотрел парад на Красной площади, когда торжественным маршем, побатально мимо трибун проходили парадные расчеты разных академий и родов войск в форме «коробочки». Так вот, каждая такая «коробочка» — это 200 человек. 10 шеренг по 20 человек.

По приведенным расчетам, во время Большого террора ежедневно арестовывали 14 (четырнадцать!) таких «коробочек» и 6 (шесть) из них расстреливали. Ежедневно, без отпусков и выходных.

Получается вот такой зрительный образ Большого террора. А воображение все равно не работает.

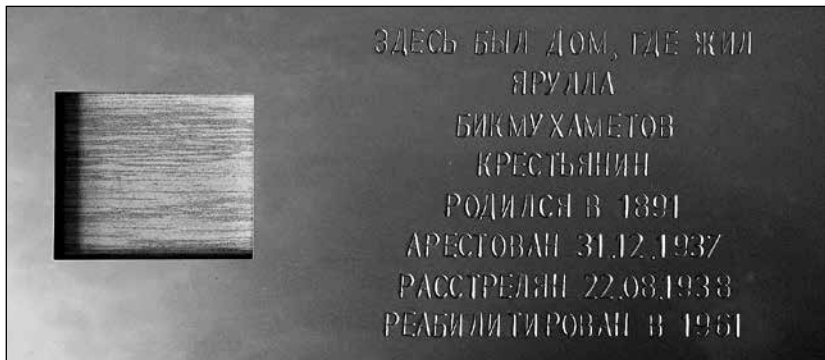
Ну ладно, прошло 80 лет. «Отплакали те, кто дождался, не дождавшиеся отревели». Участников тех страшных событий уже и нет. Осталась только генетическая память потомков.

Окончание на с. 9

На снимке: «Возвращение команд в лагерь» Рисунок Романа Ефименко

21 сентября 2018 года табличка «Последнего адреса» установлена на фасаде одного из частных домов города Краснокамска. Она посвящена памяти крестьянина, спецпереселенца Яруллы Бикмухаметова. Он был арестован 31 декабря 1937 года, обвинен по статье 58, пп. 2, 9, 10, 11 («контрреволюционная пропаганда») и в августе 1938 года расстрелян. Реабилитирован посмертно в 1961 году.

ОДНО ИМЯ, ОДИН АДРЕС В КРАСНОКАМСКЕ

Микрорайон Заводской города Краснокамска в 1930-х годах именовался Майским поселком. Но это было не простое поселение. Здесь жили спецпереселенцы — раскулаченные крестьяне из Татарской АССР. Они строили бумкомбинат, а после его открытия работали на нем. Поселок пережил второе рождение после того, как спецпереселенцев отпустили, а на месте прежних домов были построены новые частные дома.

Один из них, дом №43 по улице Старолинейной, находится на окраине микрорайона. В списке жертв репрессий Общества «Мемориал» есть имя — Ярулла Бикмухаметов. Его правнучка Гульнара Давлетханова, живущая в Москве, подала заявку на установку мемориального знака на доме прадеда.

Ярулла Бикмухаметов родился в 1891 году в Татарской АССР. В 1931 году его семья, как и сотни татарских семей, была раскулачена и выслана на Урал, в Краснокамск. Крестьяне, высланные из нынешнего Татарстана в поселок Майский в 1931 году, проживали компактно, сохраняли свои национальные корни: народные традиции, культуру, родной язык, верование. Они хранили мечту когда-нибудь вернуться на родину, но для многих она так и осталась мечтой...

Большой террор 1937–1938 годов как лавина обрушился на спецпереселенцев Майского, калеча судьбы сотни семей. Аресты, допросы, ложные обвинения, суровые приговоры коснулись нескольких десятков переселенцев. Сотрудники НКВД в Перми и Краснокамске «разоблачили» якобы созданную еще в 1931–1933 годах «контрреволюционную националистическую повстанческую организацию трудпоселенцев-мусульман», целью которой являлось — ни много ни мало! — создание единого буржуазного мусульманского государства с выделением его из состава СССР при помощи Японии, а также проведение на предприятиях Перми и Краснокамска различных диверсий. Начав операцию в августе 1937 года, чекисты все больше и больше «разоблачали» участников организации — «шпионов» и их «руководителей». Всего таких участников было «обнаружено» около ста. Среди них был и Ярулла Бикмухаметов, который был арестован 31 декабря 1937 года.

1 января 1938 года состоялся допрос. «Признательные показания» Ярулла дал почти сразу: якобы контрреволюционная организация активно вербовала и готовила из числа переселенцев диверсантов, шпионов, вредителей, Ярулла был якобы завербован в организацию в 1933 году, а теперь и сам являлся одним из руководителей небольшой группы. Эта группа под руководством Яруллы готовила диверсионные акты на скважинах нефтеразведки в районе бумкомбината Краснокамска. Вот часть сочи-

ненного следователями НКВД брела из протокола допроса Яруллы Бикмухаметова:

«Моя группа готовила диверсионные акты на скважинах нефтеразведки в районе бумкомбината. Эта основная диверсия готовилась нами к началу войны Японии против СССР, что лишило бы и нефти и бумкомбината. Последний должен давать пороховую целлюлозу, что нами было учтено.

Организацией уже были совершены ряд диверсионных и вредительских актов, путем устройства взрывов, обвалов строений, пожаров лесных массивов и готовых штабелей.

Задания по диверсионной работе я получал от Ибрагимова Керима (руководителя организации)».

С 1 января 1938 года по июль 1938 года Ярулла находился под следствием в пермской тюрьме без допросов, а 1 августа 1938 года он был обвинен в «контрреволюционной пропаганде» по ст. 58 пп. 2, 9, 10, 11 УК РСФСР и приговорен к расстрелу и конфискации имущества. 22 августа 1938 года приговор был приведен в исполнение.

В 1939 году, когда еще некоторые участники «организации» находились под следствием в пермской тюрьме, начался обратный процесс: обвинения против семи участников были пересмотрены и полностью сняты, а сами они были выпущены на свободу. Существование контрреволюционной организации оказалось лишь выдумкой чекистов, а их обвинения против спецпереселенцев не подтвердились при первом же беспристрастном допросе. Возможно, что отпустили на свободу всех, кто еще оставался в пермской тюрьме и не успел получить свой приговор.

А Ярулла Бикмухаметов был посмертно реабилитирован Пермским областным судом 11 мая 1961 года. Его жена узнала о смерти мужа лишь в ноябре 1960 года, когда об этом ей сообщили сотрудники КГБ.

Сегодня потомки Яруллы разбегались в разные уголки страны, однако установка дощечки с именем деда — повод собраться всем вместе.

По словам правнучки Бикмухаметова Гульнары Давлетхановой, на церемонию приехали ее род-

ственники из Москвы и Перми, всего 20 человек разных поколений.

Это уже второй знак в городе Краснокамске. Первый был установлен 3 ноября 2015 года в память о спецпереселенце, восемнадцатилетнем Саид-Гарее Шингарееве.

21 сентября на улице Старолинейная, 43 города Краснокамска прошла церемония проекта «Последний адрес», а потом в помещении Мемориального музея истории политических репрессий состоялась просветительская встреча, на которой правнучка Яруллы Бикмухаметова рассказала о судьбе прадеда.

Отметим, что реализация проекта и проведение церемонии официально поддержаны на федеральном и региональном уровнях. В Прикамье проект в 2018 году реализуется в рамках Гражданских сезонов «Пермские дни памяти» с использованием гранта президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, а также при поддержке Министерства культуры Пермского края.

Главный принцип гражданской инициативы — «Одно имя, одна жизнь, один знак». Каждая мемориальная табличка посвящена памяти только одного человека. Она размером чуть больше ладони (11 на 19 см). Инициатором ее установки также может стать один заявитель. По замыслу организаторов проекта, установкой тысяч персональных мемориальных знаков единого образца на фасадах домов, бывших последними прижизненными адресами жертв политических репрессий, в России будет создан огромный народный мемориал.

Проект стартовал в Москве и Санкт-Петербурге в 2013 году, а в Пермском крае — в августе 2015 года. Всего в Пермском крае уже установлено 37 мемориальных знаков: 16 из них — в городах и селах региона, еще 21 — в Перми. Каждая табличка сегодня напоминает о безвестных людях, ушедших в небытие в годы сталинского Большого террора. В этом и заключается смысл акции — увековечить персональную и человеческую память о тех, кто пострадал от политических репрессий, не будучи партийным функционером, крупным руководителем или военачальником.

Андрей ЧЕРНЫШОВ,
Пермский «Мемориал»

На снимках: Установленная табличка. Заявку на установку первой мемориальной таблички в Краснокамске — Саид-Гарее Шингарееву — подал его одноклассник Хамис Харисович Зарипов. С Робертом Латыповым в 2015 г. Фото автора

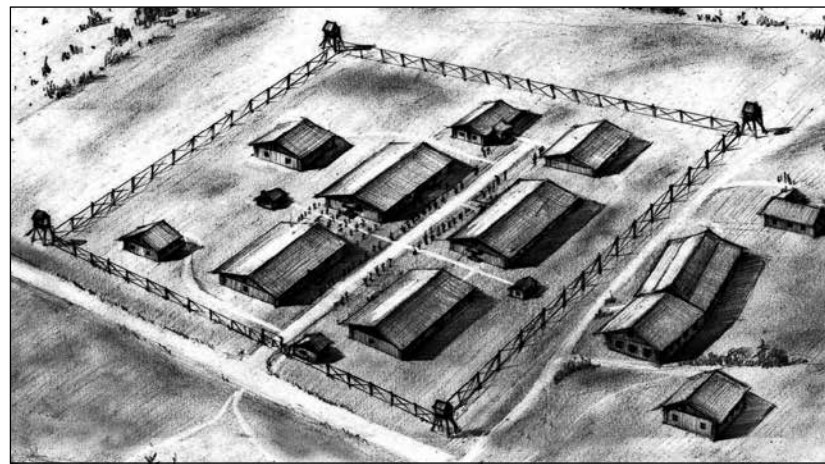
«ПЕРМЬ-36. ПРЕДЫСТОРИЯ» — ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ ЛАГЕРЯ

➤ Окончание. Начало на с. 1

описание жизни конкретного лагеря и его эволюции — пока первое.

История этой «зоны» делится на два этапа.

Первый из них охватывал 1942–1953 годы. Тогда это была обычная лесная исправительно-трудовая колония. Чем она отличалась? Лагерь подчинялся своим управлениям или напрямую Москве, а колонии — местному УНКВД (потом УМВД). Кроме того, существенно различались их контингент. В колонии сидели осужденные за незначительные преступления, вроде опоздания на работу. Колония была бедная, кормили плохо. Леонид Обухов нашел справку, что лишь 1,5% заключенных были признаны годными к физической работе без ограничений, а 48% отнесены к так называемой третьей категории — «ограниченно годных». Проверка 1947 года показала, что матрасы и одеяла были у трети заключенных, а постельного белья не было ни у кого — то есть люди спали на голых нарах, не раздеваясь.

Второй этап начинается после 1953 года, когда из-за масштабных амнистий и реабилитаций многие лагеря и колонии закрылись (колоний больше — поскольку первыми выпускали тех, кто совершил малозначительные преступления). Но эта колония была особенной: в ней были созданы мастерские, завезена техника и было жалко терять производственные мощности. Нужно было искать новый «контингент». И тогда возникла идея. К тому моменту в колониях и лагерях было немало осужденных представителей правоохранительных органов, которым, мягко говоря, было сложно ужиться с основным «контингентом». И появилось предложение послать их всех в «Пермь-36». Потом туда стали отправлять прощтрафившихся представителей правоохранительных органов со всей страны, в том числе даже некоторых представителей так называемой бериевской группировки (не самих сподвижников Берии, а их протеже, которых он расставлял на различные посты). Это наложило на «Пермь-36» свой отпечаток.

С одной стороны, начальник лагеря, старший лейтенант, охранял бывших полковников и генералов, испытывая к ним некоторое подобострастие — поскольку кто его знает, как все обернется и кем они станут на очередном вираже истории. К середине 1955 года в лаготделеции содержались 320 заключенных, из них 188 человек — на общем и 132 человека — на облегченном режиме. Новый контингент кормили уже не ржавой селедкой, а горбушей. Когда, например, завскладом вместо горбуши выделил для питания заключенных треску, началось расследование «незаконной операции». С другой стороны, поскольку большинство сидевших были офицерами МВД, знавшими систему, то охраняли их гораздо тщательнее, чем другие «зоны».

Когда встал вопрос, что делать с политзэками в Мордовии, которые активно информировали внешний

мир о положении в лагерях, было принято решение перевести их в Пермь-35 и Пермь-36. В 1975 году к этому списку добавились Пермь-37. Переезд привел к тому, что антисоветчики и диссиденты, составившие в Мордовии не более 10% (остальные были националистами и нацистскими коллаборационистами), стали абсолютным большинством среди заключенных пермского лагеря.

Начался новый период в истории лагеря, который находится уже за пределами описанного в книге. Вышедшая книга — это только начало. «В настоящий момент значительная часть истории ИТК-36 собрана и вскоре выйдет вторая часть, посвященная непосредственно политике, подготовленная Виктором Шмыровым», — рассказал Леонид Обухов.

Основатель Пермского краевого отделения «Мемориала», член Правления Международного «Мемориала» Александр Калих в интервью «30 октября» заметил, что «все писали историю заключения, но до истории самой «зоны» руки пока

ни у кого не доходили». «Эта книга предназначена для людей, серьезно интересующихся историей политических репрессий, и историей лагеря «Пермь-36», получившего всемирную известность. О том, какое значение имеет эта книжка, говорит тот факт, что именно с ее презентации начались «Гражданские сезоны» — огромный набор мероприятий и встреч, посвященных Дню памяти жертв политических репрессий. Один из участников презентации заметил, что книга «пахнет исследовательским потом». По-моему, это высказывание очень точно и справедливо отражает тот объем работы, который пришлось проделать Леониду Обухову. Ведь и в Госархиве РФ, и в пермских архивах найти необходимые документы было крайне сложно — все закрыто и засекречено. Но он смог найти и использовать документы, смог найти живых свидетелей, которые много ему рассказали» — подчеркнул Александр Калих.

Издание было осуществлено при участии Пермского краевого отделения Общества «Мемориал», Фонда «Новая коллекция» с использованием гранта президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

Монография «Пермь-36. Предыстория» издана небольшим тиражом — тысяча экземпляров. На сайте Пермского «Мемориала» опубликована электронная версия книги.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

1. ПермГАСПИ. Ф. 2464. Оп. 1 Д. 215. Л. 40-42; Д. 208. Л. 15-16.

На снимке: Схема зоны в Кучино после реконструкции в 1948 г. Из архива Пермского «Мемориала»

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

7 сентября в «Международном Мемориале» прошел вернисаж «После полудня. 1968». На новой выставке представлены артефакты, посвященные вводу советских войск в Чехословакию в 1968 году, реакции мирового сообщества, а также материалы о протестной акции в Москве, которая фактически стала одним из символов диссидентского движения в СССР. На выставке представлены многочисленные и разнообразные свидетельства 1968-го и о 1968-м.

Открытие выставки началось с небольшим опозданием, поскольку аудитория была переполнена и организаторам пришлось искать дополнительные стулья. Среди слушателей корреспондент «30 октября» заметил председателя правления Международного общества «Мемориал» Яна Рачинского, исполнительного директора организации Елену Жемкову и руководителя образовательных программ «Мемориала» Ирину Шербакову. Также в зал заглянул председатель совета Правозащитного центра «Мемориал» Александр Черкасов. Акцию посетил журналист Илья Азар.

Выставку открыла Александра Поливанова, сотрудник «Международного Мемориала». «Спасибо всем, кто пришел. Спасибо и посольству Канады, сотрудники которого к нам приехали», — сказала Александра, отметив, что посольство Канады поддержало исследование событий 1968 года. Также организаторы выразили благодарность организации «Европейская инициатива в области демократии и прав человека» (European Instrument for Democracy & Human Rights — EIDHR), благодаря которой была собрана выставка экспонатов. Поливанова отметила, что это первый проект, реализованный без Арсения Рогинского. Организаторы посвятили выставку его памяти.

Александра Поливанова рассказала, что выставка состоит в основном из предметов, рукописей и машинописей из архива, музея и библиотеки «Мемориала», но также представлены артефакты из бременского Исследовательского

говорок к 5 годам заключения по обвинению в антисоветской агитации писатель Юлий Даниэль. Его друг писатель Андрей Синявский получил 7 лет заключения. Этот приговор вызвал международный скандал и протесты внутри страны, положившие начало диссидентскому движению в СССР.

«Масштабно заработало радио. По сути, в то время в СССР никто не знал московских диссидентов. Сначала текст печатался на

«Процесс четырех». Годом позже вместе с публицистом, лингвистом и правозащитницей Ларисой Богораз Литвинов выпустил обращение «К мировой общественности» — первое открытое обращение советских диссидентов к Западу.

21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска. Тут же диссиденты решили — необходимо действовать, нужна акция.

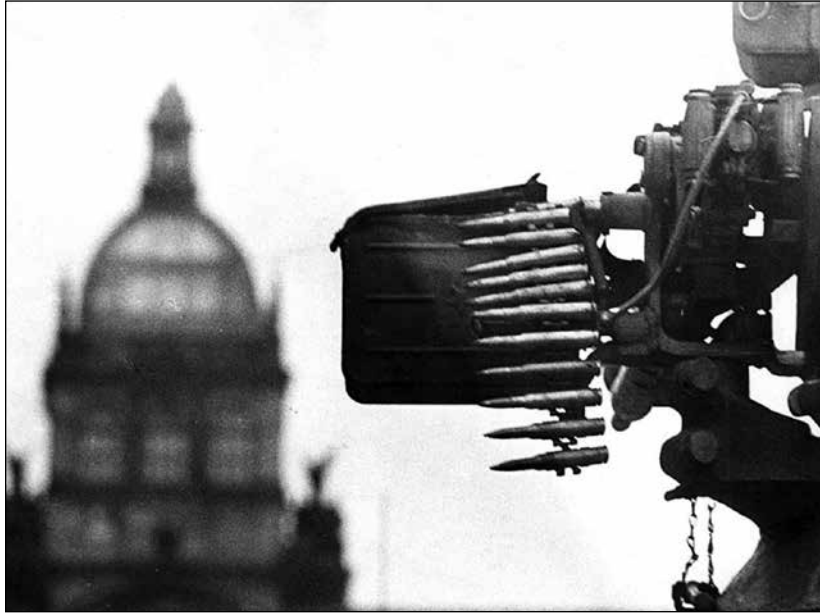
25 августа на Красной площади состоялась так называемая «демонстрация семерых». По словам Литвинова, это была одна из самых значимых демонстраций в его жизни. Около полудня к Лобному месту пришли 8 человек: Константин Бабицкий, Татьяна Баева, Лариса Богораз, Наталья

звала Татьяна Баева: «12 часов. Полдень. Сели. <...> Сначала, минут 3–5, только публика окружила недоуменно. Наташа держит в вытянутой руке флажок ЧССР. Она говорит о свободе, о Чехословакии. Толпа глуха... Вдруг свисток, и от мавзолея бегут 6–7 мужчин в штатском — все показались мне высокими, лет по 26–30. Налетели с криками: «Они продались за доллары!» Вырвали лозунги, после минутного замешательства — флажок. Один из них с криком «Бей жидов!» начал бить Файнберга по лицу ногами. Костя пытается прикрыть его своим телом. Кровь! Вскликаю от ужаса. Другой колотил Павлика сумкой. Публика одобительно смотрела, только одна женщина возмутилась: «Зачем же бить!».

ции были осуждены в октябре 1968 года по статьям УК РСФСР 190-1 и 190-3. Согласно приговору, Делоне был приговорен к 2 годам и 10 месяцам лишения свободы, Дремлюга — к 3 годам, Бабицкий, Богораз и Литвинов — к разным срокам ссылки.

«Тогда же, в 1968 году, вышел клип чехословацкой певицы Марты Кубишовой в поддержку свободной ЧССР. Свое выступление я бы хотел закончить им», — сказал Литвинов, и на экране на чешском языке запела девушка.

Когда аплодисменты утихли, слово взял глава политического отдела посольства Канады в России Бруно Мордестен. «Я бы хотел поблагодарить Общество «Мемориал» за выставку. Я с большим удовольствием жду дальней-

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. 1968

центра по изучению Восточной Европы.

Слово предоставили физик, ученому Павлу Михайловичу Литвинову — одному из восьми, кто 25 августа 1968 года вышел на Красную площадь с плакатами против репрессий в Чехословакии. «Мне трудно вспоминать те события, потому что я один из немногих, кто жив. 1968 год — знаковая дата: наше поколение практиковало самиздат. Что-то где-то узнавали, печатали на машинке, читали, передавали другим, затем за границу, факты добавлялись и возвращались обратно. Информация передавалась и посредством фотографии, и по радио», — вспоминал Литвинов.

Павел Михайлович рассказал и о том, что тогда хотели знать люди — правду о сталинских репрессиях, о числе убитых в Великой Отечественной войне, о бездарности военного командования. Разумеется, подпольная деятельность не нравилась властям. В 1965 году был арестован, а затем при-

машинке, затем писался на магнитофон, а потом запись шла в эфир. Десятки тысяч граждан слышали это, что спровоцировало ответные репрессивные меры: власти начали масштабные аресты, появились новые политзаключенные», — рассказал Литвинов.

Наибольшее негодование среди диссидентов вызвал арест журналиста, издателя и друга Литвинова Александра Гинзбурга (вместе с ним были арестованы Юрий Галансков, Алексей Добровольский и Вера Лашкова). Литвинов напомнил собравшимся, что в 1968 году Гинзбург был осужден на 5 лет лагерей за «антисоветчину» за сборник «Белая книга». «Я понял, что надо что-то делать. Я решил, что соберу все, что писал Саша, — все рукописи и машинописи, сделаю копии и организирую централизованное протестное движение. На это ушел месяц», — сказал Литвинов.

В 1967 году он составил самиздатский сборник «Правосудие или расправа», а затем сборник

Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг. В руках они держали плакаты с надписями, одна из которых была на чешском языке — «At' žije svobodné a nezvislé Československo!» («Да здравствует свободная и независимая Чехословакия!»), остальные на русском — «Мы теряем лучших друзей», «Позор оккупантам!», «Руки прочь от ЧССР!», «За вашу и нашу свободу!», «Свободу Дубчеку!» Последний плакат призывал освободить из тюрьмы инициатора курса реформ, известных как «Пражская весна».

«Помню, как сели у Лобного места. Наташа Горбаневская держала флажок ЧССР. Собралась толпа. Внезапно подбежали милиционеры, вырвали флажок и сломали. Горбаневская, обладавшая громким, сильным голосом, закричала: «Не ломайте чешский национальный флаг». Я до сих пор слышу ее голос», — вспоминал Литвинов.

Имеются и другие воспоминания об акции. Так о ней расска-

Особое внимание рассказчик уделил воспоминаниям о Викторе Файнберге, который сейчас проживает в Париже. «Красивый, умный, страстный, принципиальный человек. О таких говорят — с ним я бы пошел в разведку. Наполовину состоит из Алешки Карамазова — ему везде нальют и оставят ночевать, а наполовину — из персонажа Джека Николсона из фильма «Пролетая над гнездом кукушки». К сожалению, он оказался в худшем положении. После акции его признали невменяемым и направили в Ленинградскую спецпсихбольницу, где он находился 4 года — с января 1969 по февраль 1973 года. Его пичкали страшными лекарствами, но он воевал и требовал к себе уважения. Конечно же, никаким больным он не был», — рассказал Павел Литвинов.

Остальные участники также получили наказания. Так, Наталья Горбаневская была признана невменяемой, ей был поставлен диагноз «вялотекущая шизофрения». Остальные участники демонстра-

шего сотрудничества с этой организацией», — сказал дипломат.

Затем художественный организатор выставки архитектор Александр Бродский поделился своими воспоминаниями о событиях 25 августа 1968 года. «В то время мне было 13 лет. Я был на даче с родителями в Подмосковье. Наш дом делился пополам с другой семьей — муж был живописцем, членом Союза художников, супруга работала в театре. Они очень интересовались политикой и любили слушать радио «Свобода» и BBC, несмотря на мощные «глушилки». Я помню, как прибежали соседи и закричали: «Вы представляете, что происходит?» Вместе с радио мы все выбежали в центр поля, чтобы лучше поймать волну, и как замороженные слушали новости», — вспоминал Бродский.

На этом презентация выставки была завершена. Гостей пригласили в небольшую аудиторию офиса «Мемориала», где красно-белая лента отделяла посетителей от артефактов. К ней подошли Бродский и Литвинов. В торжественной обстановке они перерезали ленту, взяв на память по небольшому куску.

Первое, что видят гости, — обычное радио. По нему на чешском языке идет какая-то передача. Организаторы говорят, что таким образом создается особый фон. Среди представленных экспонатов: записи суда над демонстрантами, портретные зарисовки, вырезки из западных газет, которые Петр Григоренко скрупулезно собирал после судебного разбирательства. В частности, об акции писала Daily Mail. Рядом висит вырезка из газеты «Русская мысль» — она печаталась в Париже и в 1968 году сообщала, насколько несправедным был суд над диссидентами.

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. 1968

➤ Окончание. Начало на с. 4

Следующий экспонат — фотография студенческой демонстрации в Танзании: более 2 тысяч человек выразили протест против действий советских войск в ЧССР. Затем — снимок пикета в Утрехте, где собрались около 600 демонстрантов с плакатами «Социализм — не привилегия России», «Против капитализма, против сталинизма», «Социализм от народа, не от войск». Есть тут и советская пресса: газета «Правда» выпустила статью о диссидентах под заголовком «Защита социализма — высший интернациональный долг».

Чуть дальше можно увидеть фотографии совсем молодого Виктора Файнберга, Павла Литвинова, Константина Бабицкого. Часть экспозиции — письма диссидентов родным.

На этом мероприятие завершилось. По словам улыбающегося Литвинова, оно ему очень понравилось.

После открытия выставки заработал информационный сайт 1968.memo.ru — «1968. Год прав человека», подготовленный «Международным Мемориалом» при поддержке посольства Канады и фонда Генриха Белля. На сайте разме-

щена информация в виде хроники событий и тематических карточек с архивными материалами, касающимися событий 1968 года во всем мире. Среди них — копии публикаций отечественных и зарубежных СМИ, воспоминания очевидцев, фотографии и высказывания о своих переживаниях современников событий, музыка и аудиозаписи, ссылки на фильмы. Авторы сайта приглашают пользователей рассказать о своем 1968 году, поделиться ощущениями и воспоминаниями о годе прав человека.

Олег КРАСНОВ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Фотоматериалы, представленные на сайте 1968.memo.ru «1968. Год прав человека»:

Протест у советского посольства в Гааге 25 августа 1968.

Студенты в Танзании протестуют против ввода войск в Чехословакию и блокады Биафры в Нигерии / Alamy Stock Photo.

Боевая техника стран ОВД в Праге / Věra Petrakova.

Погибший в дни ввода советских войск в Чехословакию, накрытый флагом своей страны / Věra Petraková.

Боевая техника стран ОВД в Праге / Petrakova

«НА ЭКСКУРСИЮ ПРИЕХАЛИ»

В конце августа исполнилось 50 лет вторжению советских войск в Чехословакию. Александр Маслов, председатель Муромского «Мемориала», встретился с вынужденным участником тех событий Владимиром Кондрашиным. Владимир в 1968 году проходил срочную службу в Воздушно-Десантных Войсках Советской армии и был отправлен в Прагу для подавления протестов. Многие в его рассказе о событиях «Пражской весны» сегодня звучат очень актуально.

В 1968 году я проходил службу в Каунасской дивизии ВДВ в городе Алитус (сейчас это Литва). Примерно 14 августа нашу часть вывели из расположения в летний лагерь.

В этот период с нами проводилась активная политработа. Нам рассказали, что в Чехословакии поднимают голову контрреволюционные элементы, которые получают помощь и инструкции из США и стран НАТО. Их цель — свергнуть социалистический строй и восстановить буржуазные порядки. Враги стремятся настроить доверчивую чешскую молодежь против компартии. Правительство СССР и КПСС стараются не допустить выхода Чехословакии из соцлагеря и защитить братский народ. Мы, солдаты, должны это знать и, в случае необходимости, помочь чехам и словакам.

У нас не было сомнения, что это так и есть, но воевать с Западом никто не хотел, так как были еще живы наши отцы, рассказывавшие нам об ужасах войны.

Примерно 19-20 августа нам выдали по 600 патронов, по 2 гранаты Ф-1 и по одной противотанковой. Выдали тельняшки и малиновые береты, сказали, что предстоит передислокация войск.

«Куда, вы знаете», — сказал командир дивизии генерал-майор Лев Горелов.

Около 9 часов к зданию подошли первые группы чехов. Завязалась беседа. «Зачем пришли?» — спрашивали они. «На экскурсию приехали», — отвечал кто-то. «А почему с автоматами?» — «Оставлять жалко». Были и другие шутки.

К 11 часам там собралось около 3 тысяч местных жителей. «Домой! Домой!» — скандировали они, пели свой гимн, размахивали флагами.

Вечером кто-то стрелял поверх здания трассирующими очередями. Мы были готовы к нападению, но все обошлось.

Блокада здания продолжалась около двух недель.

Мне пришлось несколько раз стоять часовым около Генштаба и видеть, что происходит на улице. Отмечу несколько инцидентов.

Чехи подбрасывали нам листовки, где нас называли оккупантами, говорили, что у нас нет правдивой информации, что по «Голосу Америки» передали о вывозе генсека Александра Дубчека в Москву, о гибели мирных жителей.

Наши политработники стремились довести до чехов свою оценку текущих событий и на табуретках размещали свою агитационную литературу.

Однажды при моем дежурстве проходящий мимо чех ударом ноги сбил табуретку, и брошюры упали на мостовую. Его немедленно остановили и заставили все положить на место. Он нехотя подчинился.

В другой раз ко мне подошел молодой чех и поздоровался по-русски: «Здравствуй, товарищ!» Хотя часовому не положено, я ответил: «Здравствуй, друг!» Мы улыбнулись друг другу.

Этот разговор заметил другой чех. Он сильно ударил своего соотечественника в лицо и хотел добавить

звался о вводе войск в независимую страну, и после этого мы его больше не видели.

Заблокированным в штабе офицерам и солдатам ежедневно привозили продукты питания. Я, как часовой, осуществлял пропуск и был визуально знаком с несколькими чешскими военнослужащими. Один из них предложил мне пиво. Я пояснил, что на посту это запрещено. Чех ответил, что в нашей армии очень жесткий режим, а у них это не запрещено. От этого чеха я узнал, что в штабе произошла ссора между чешским офицером и советским десантником на почве оценки текущего момента. В результате конфликта чех был застрелен из автомата. Наш солдат был переведен в другую часть.

В Чехословакии нам было категорически запрещено фотографировать. Если замечали, пленку засвечивали. Однако у меня сохранились фото советского танка в Праге и чешских подростков на мопеде с национальным флагом.

За две недели в Праге я не израсходовал ни одного патрона, не пригодились и гранаты. Но от своих товарищей по службе я слышал, что на территории Чехословакии происходили стычки местных патриотов с советскими военными, в которых с обеих сторон погибло более 200 человек. В основном это были молодые ребята, жаль их. Они защищали независимость своей страны и стали жертвами интриг коммунистических политиков.

Еще две недели мы пробыли в лагере под городом, а в сентябре вернулись на Родину. Через пару недель я демобилизовался.

Позднее я узнал, что в августе 1968 года в Москве группа моло-

Нас перевезли в Калининград, а оттуда самолетами Ан-12 доставили в пражский аэропорт, который накануне был занят нашей разведротой.

Здесь нас ждали машины ГАЗ-66, на которых мы въехали в город. Рядом шли советские танки. Было раннее утро, город еще спал.

Нашему батальону была поставлена задача блокировать Генштаб чешской армии на ул. Революции. Неподдалеку находился университет и сады. Мы взяли Генштаб в кольцо, в здание вошли «особисты». Оттуда вывели около взвода чешских солдат. Их, не разоружая, разместили в наших БТРах. Там было душно, чехи стали стучать по броне. Их выпустили и разместили в одном из кабинетов, который охраняли наш и чешский часовые.

Тот бросился спасаться в карaulьное помещение. Советский старший лейтенант приказал догнать и доставить обидчика. Его поймали и отвели к «особистам». Что было с ним дальше, я так и не узнал.

Как-то к нашим солдатам подошел чех, представившись корреспондентом из Москвы. С горечью он рассказал, что в СССР искажают информацию о происходящем, называют вторжение дружественной миссией, говорят о союзничестве и борьбе с контрреволюцией. В действительности это сам чешский народ желает перемен, а вовсе не члены НАТО и США.

Мы, простые солдаты, все больше стали задумываться, зачем мы здесь, но обсуждать это вслух боялись. Один младший лейтенант медслужбы в своем окружении критически ото-

дежи вышла на Красную площадь в знак протеста против ввода войск в Чехословакию. От знакомых из Москвы знаю, что их арестовали и подвергли репрессиям.

Однако в советском обществе не было заметного осуждения подобного решения руководства государства. Выступать открыто боялись, да и партийная пропаганда активно внедряла в сознание масс, что подобное решение только укрепило социалистический лагерь.

Рассказ записал Александр Маслов, руководитель Муромского «Мемориала», Село Ляхи Меленковского района Владимирской области

Фото из личного архива Владимира Кондрашина

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

17 августа возле «Расстрельного» дома №23 по Никольской улице в Москве были установлены стенды с рассказом о его страшной истории. В этом здании в 1935–1950 годах располагалась Военная коллегия Верховного суда (ВКВС) СССР, где во времена Большого террора пачками выносились и тут же, в подвалах, приводились в исполнение смертные приговоры. На выставочных стендах представлена статистика арестов и казней тех, кто закончил свой путь в «Расстрельном доме»: только с 1 октября 1936 по 30 ноября 1938 года там были приговорены к расстрелу 31 456 человек, среди них — Исаак Бабель, Борис Пильняк, Всеволод Мейерхольд. На стендах есть портреты и тех, кто визировал расстрельные списки.

О том, что идея создать в «Расстрельном доме» Музей истории советского террора, возникла еще в 1980-е годы, рассказал «30 октября» председатель правления «Международного Мемориала» Ян Рачинский. «Идею поддержали Лев Разгон, Евгений Евтушенко и другие члены общественного совета «Мемориала». Однако тогда в здании помещался военкомат. В 1990-х оно было передано Банку Москвы. В середине 2000-х стало известно, что банк планирует снести здание, чтобы построить на его месте развлекательный центр. Тогда «Мемориал» начал борьбу за сохранение здания и привлек внимание к сносу. Кроме того, в 2012 году дом был признан объектом культурного наследия региональ-

ного значения, что сохраняло здание от сноса. Банк Москвы тогда пошел было на переговоры о музеефикации здания, и даже была достигнута договоренность о передаче под музей двух расстрельных подвалов, но тут неприятности начались уже у самого председателя правления банка Андрея Бородин, которому пришлось бежать за границу», — рассказал Ян Рачинский.

«Банк Москвы стал частью Банка ВТБ, но вот это здание каким-то чудом очутилось у частного владельца. При этом было достаточно трудно понять — у кого, поскольку никто из бизнесменов не горел желанием, чтобы с его именем была связана история, похожая на историю с домом Ипатьева

ВЫСТАВКА У

в Екатеринбурге, и это осложняло переговоры», — заметил Рачинский.

Одновременно с поисками владельца для переговоров с ним рабочая группа по увековечению памяти жертв политических репрессий во исполнение распоряжения президента Путина от 1 декабря 2012 года приняла проект концепции Федеральной программы. Согласно этой концепции, предполагалось создание единой музейно-мемориальной инфраструктуры Москвы — и в том числе мемориального Музея «Расстрельный дом» как филиала Государственного музея истории ГУЛАГа.

В сентябре 2016 года в СМИ появилась информация о том, что один из крупнейших поставщиков элитной парфюмерии, управляющий компанией Esterk Lux Parfum Владимир Давиди намерен открыть в купленных им зданиях на Никольской улице парфюмерный бутик.

«Я полагаю, что открытие парфюмерного магазина там, где выносили смертные приговоры и расстреливали тысячи человек, является как минимум неуместным», — заявил председатель правления «Международного Мемориала».

Окончание на с. 7

«ОН ЯВЛЯЕТСЯ
ПОЛИТИЧЕСКИМ
ЗАКЛЮЧЕННЫМ»

➤ Продолжение. Начало на с. 1

тех, кто «шархался и пытался поскорее скрыться».

«Это шарханье характерно для россиян. Они стремятся поскорее пройти мимо, дистанцироваться от пикета. Это следствие того, что власть приучила людей не интересоваться общественными проявлениями: мол, если ты не активист, то пикет тебя и не касается. Очевидный результат давления власти на общество», — прокомментировал корреспонденту «30 октября» Олег Орлов.

Будут ли проводиться новые пикеты, правозащитник анонсировать не смог. Он отказался предположить, будет ли судебное решение по делу Титиева справедливым, однако заметил, что решение судьи о закрытии процесса наводит на печальные мысли.

«Надеяться на справедливый суд в Чечне невозможно, так как он полностью зависит от власти. В республике отсутствуют малейшие свободы в действиях суда. Со стороны власти оказывается сильнейшее давление на судей — вплоть до физической расправы», — сказал Орлов.

В свою очередь Светлана Ганнушкина подтвердила слова коллеги о том, что из-за быстрого прекращения пикета большой массе прохожих не удалось поговорить с правозащитниками.

«Некоторые подошли, задавали вопросы. Кто-то брал буклеты. Конечно, людям не хочется думать, что происходит что-то, за что они несут ответственность. Ведь именно гражданин должен отвечать за судебное решение, арест. Но человек хочет снять с себя ответственность, так как это тяжелый груз», — сказала Ганнушкина корреспонденту «30 октября».

Проводить пикеты в ближайшее время правозащитница не планирует, но замечает, что «что-то делать необходимо».

«Имя Оюба Титиева должно звучать как можно громче и чаще. Я продолжаю надеяться, что при принятии судебного решения возобладает здравый смысл, но истина ни в Чечне, ни в Кремле никого не интересует. Совершенно очевидно, что дело сфабриковано. И Кадыров, и Путин, и суд, и следователи знают, что никаких наркотиков у Титиева не было», — подытожила Ганнушкина.

Освободить Титиева неоднократно призывали международные правозащитные организации. К примеру, в преддверии чемпионата мира по футболу, который прошел с 14 июня по 15 июля в России, 11 активистов Amnesty International забросили во двор российского посольства в Бельгии футбольные мячи с требованием восстановить справедливость в отношении главы Грозненского «Мемориала». 4 июля освободить Титиева потребовали активисты на Кубе. В поддержку правозащитника высказывались также европейские политики. В марте освободить его призвала миссия США в ОБСЕ, в июне — депутаты Европейского парламента, в июле — комиссар Совета Европы.

Немедленно освободить Оюба Титиева потребовали от Путина международные правозащитные организации Amnesty International, Human Rights Watch и Front Line Defenders. Обращение было отправлено 28 августа, когда состоялось очередное заседание по делу главы Грозненского «Мемориала». Правозащитники в открытом письме Путину указали, что Оюб Титиев уже почти 8 месяцев находится под стражей, и напомнили о словах Кадырова, который потребовал закрыть для правозащитных организаций доступ в Чечню. Авторы письма призвали Путина осудить заявление Кадырова и не позволить «привести в действие незаконные угрозы».

Напомним, что 22 августа Рамзан Кадыров назвал врагами жителей Чечни правозащитников, которые выступили с критикой работы силовых структур после нападения на полицейских в республике. В своем выступлении на встрече с силовиками Кадыров поставил правозащитников в один ряд с боевиками и запретил им посещать Чечню. Слова Кадырова несут реальную угрозу для правозащитников и журналистов, считают Игорь Каляпин и Светлана Ганнушкина.

«На протяжении последних десяти лет руководство республики и лично Рамзан Кадыров по-

давляют малейшие проявления инакомыслия, в особенности прицельно преследуют правозащитников: непосредственно или через третьих лиц, действующих при полной безнаказанности, власти практикуют в отношении них угрозы, нападения и убийства, имели место случаи поджога офисов правозащитных организаций», — в открытом письме президенту РФ Владимиру Путину, опубликованном 28 августа на сайтах правозащитных организаций.

Правозащитники привели в качестве примера историю руководителя Грозненского представительства «Мемориала» Оюба Титиева.

Глава республики также недвусмысленно обозначил, что считает себя вправе ограничивать свободу передвижения правозащитников, говорится в письме, подписанном директором по Европе и Центральной Азии Human Rights Watch Хью Вильямсоном, старшим директором по исследованиям Amnesty International Анной Нейстат и исполнительным директором Front Line Defenders Эндрю Андерсоном.

По материалам интернет-издания «Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
и ПИЦ «Мемориал» memohrc.org

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

«РАССТРЕЛЬНОГО ДОМА»

ра. Лубянка и окрестности» начинаются именно у дома №23 по Никольской улице.

Ян Рачинский специально подчеркнул, что с прекращением выставки борьба «Мемориала» за музеефикацию дома по Никольской, 23 не закончится. «Выставки не будет, но будут продолжаться пикеты с рассказом об истории этого дома. И вряд ли этот бэкграунд будет положительно влиять на такой бизнес», — заключил он.

Выставка продлится до 1 ноября.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимках: Выставка о «Расстрельном доме» на Никольской, 23.
Фото Александра Андриевича

➤ Окончание. Начало на с. 6

Куратор культурных программ «Мемориала» Александра Поливанова рассказала «30 октября», что идея выставки появилась давно и ее активно продвигал Алексей Нестеренко, чей отец был одним из тех, кому был вынесен приговор председателем ВКВС Василием Ульрихом. Нынешняя выставка — уже не первая. В 2014 году у «Расстрельного дома» на две недели выставили портреты 23 человек, приговоренных в нем к расстрелу.

«Мы хотели было установить стенды до начала Чемпионата мира по футболу, поскольку Никольская должна была стать одним из центров активности фанатов. Мы специально перевели все тексты на английский язык для туристов и внесли туда несколько имен расстрелянных советских футболистов, чья судьба была решена именно здесь. Мы вовсе не хотели «портить людям праздник», просто Никольская вполне заслуживает того, чтобы на ней и праздновались победы в чемпионате, и оплакивались футбольные поражения, и осмыслилась история», — отметила Поливанова.

Однако, «неторопливость» московских чиновников сорвала эти планы. «Нам нужно было прой-

ти много инстанций для согласования, и одна из них постоянно что-то не согласовывала. Так что вместо июня мы смогли открыть выставку только в августе», — посетовала Поливанова. Она, кстати, полагает, что парфюмерный магазин в доме допустим при условии, что определенная часть дома будет выделена под музей. «У города есть потребность и в музее, и в парфюмерном магазине. И это может быть совмещено — в магазине может быть специальная комната, экспозиция, мемориальная доска, чтобы люди, пришедшие в парфюмерный магазин, могли познакомиться с его прошлым. То, что у нас такая история, не значит, что этой памяти нужно пропитывать всю свою жизнь. Поэтому мы хотим интегрировать эту историю в общегородскую», — поделилась своим мнением Александра Поливанова.

И Александра Поливанова, и Ян Рачинский отмечают, что стенды вызывают интерес у людей, проходящих по Никольской улице. «Все мои знакомые, кто проходил мимо, говорят, что у стендов постоянно толпятся люди», — заметила Поливанова. Кроме того, теперь организуемые «Мемориалом» экскурсии «Топография терро-

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

ПРОЦЕСС ОЮБА ТИТИЕВА: НАДЕЖДЫ НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕТ

20 сентября суд над Оюбом Титиевым стал закрытым. Так суд отреагировал на слова главы республики и даже сделал больше, чем требовал Кадыров, который не призвал ограничить доступ на процесс Титиева.

Напомним, 22 августа Рамзан Кадыров на встрече с силовиками поставил правозащитников в один ряд с боевиками и запретил им посещать республику. После окончания судебного процесса по делу Оюба Титиева никто из правозащитников не должен приезжать в Чечню, заявил, в частности, Кадыров, — сообщало интернет-издание «Кавказский узел». В связи с тем, что судебные заседания по делу Оюба Титиева стали закрытыми для публики, правление Международного «Мемориала» выступило с заявлением.

Сегодня, 20 сентября 2018 года, судья Шалинского городского суда Мадина Зайнетдинова по ходатайству прокуратуры объявила судебные заседания по делу Оюба Титиева закрытыми для посещения публикой и представителями СМИ. Предлог — безопасность действующих сотрудников правоохранительных органов, допрашиваемых в суде в качестве свидетелей обвинения.

Предлог абсурдный: прокуратура обеспокоилась безопасностью полицейских после того, как на одиннадцати заседаниях в открытом режиме были допрошены 57 свидетелей из 65 заявленных обвинением. Почти все допрошенные — действующие сотрудники полиции. Оставалось допросить нескольких полицейских — как раз тех, кто активно участвовал в фальсификации дела Титиева.

Очевидно, сами фальсификаторы увидели, что «доводы» обвинения рассыпаются в суде, а гласность судопроизводства высветила всю ложь и нестыковки в показаниях свидетелей обвинения. Теперь они уже не пытаются изображать хотя бы видимость законности в деле Титиева. К сожалению, суд пошел на поводу у фальсификаторов.

Требую изменения подследственности и подсудности по делу, мы неоднократно утверждали: в кадыровской Чечне нет надежды на справедливый и беспристрастный суд в отношении человека, которого Кадыров уже назвал преступником и объявил «врагом народа». Сегодняшнее решение суда подтверждает наши опасения.

Правление «Международного Мемориала»
Москва, 20 сентября 2018 года

20 сентября Верховный суд Карелии оставил без изменения меру пресечения главе регионального центра «Мемориал» Юрию Дмитриеву. Он останется под стражей до 26 октября. Суд рассматривал дело о создании порнографии, по которому Дмитриев был оправдан 5 апреля 2018 года.

ЮРИЙ ДМИТРИЕВ ОСТАЕТСЯ ПОД АРЕСТОМ

На заседании 20 сентября сторона защиты пыталась обжаловать решение о продлении ареста. Адвокаты также просили перевести Дмитриева по домашний арест. В обжаловании и просьбе суд отказал.

Исследователь сталинских репрессий в Карелии, руководитель Карельского отделения общества «Мемориал» был в числе краеведов, которые обнаружили массовое захоронение расстрелянных заключенных в урочище Сандармох.

13 декабря 2016 года Дмитриева задержали в его квартире. Поводом стал донос: историк якобы хранил на компьютере порнографические снимки приемной дочери. Через 2 дня Дмитриева поместили в СИЗО на 2 месяца. После этого срок ареста многократно продлевали.

Петрозаводский городской суд 5 апреля 2018 года оправдал историка. Верховный суд Карелии отменил этот приговор 14 июня.

Юрия Дмитриева снова задержали 27 июня. На следующий день стало известно, что Следственный комитет возбудил новое уголовное дело по статье о «насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетнего».

По словам адвоката, обвинение строится на беседах родной бабушки, психолога и следователя с приемной дочерью правозащитника. Юрист считает, что психолог находился в связи со следователем и стал механизмом давления на ребенка.

17 августа Дмитриев был этапирован в Петрозаводск из Санкт-Петербурга, где он проходил пси-

хиатрическую экспертизу по новому уголовному делу. Это третья психиатрическая экспертиза. Ранее Дмитриева дважды проверяли по делу об изготовлении порнографии.

11 сентября ТАСС опубликовал новость о том, что карельского историка Юрия Дмитриева лишили права опеки над приемной дочерью. Информацию перепечатали многие федеральные СМИ. В тексте ТАСС журналисты ссылаются на детского омбудсмена Карелии Геннадия Сараева, который сообщил, что карельский руководитель «Мемориала» после ареста по делу о создании порнографии «утратил доверие» органов опеки. В тексте информация об изъятии ребенка подается так, как будто это произошло сейчас. Однако приемную дочь у Дмитриева забрали в конце 2016 года, когда он был первый раз арестован. Органы опеки тогда передали девочку ее родной бабушке, которая ранее отдала ее в детский дом в Лоухском районе Карелии. Сейчас Юрий Дмитриев не может вернуть дочь в семью, так как находится в СИЗО, суда не было, и потому говорить об утрате какого-либо доверия невозможно.

По материалам
интернет-журнала
«7x7» 7x7-journal.ru
и портала «ОВД-инфо» ovdinfo.org

СТРАННОЕ «РАЗГРАНИЧЕНИЕ НАПЛАСТОВАНИЙ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

Впрочем, это не помешало газете «Известия» 15 июля 2016 года опубликовать статью под заголовком «Данные «Мемориала» о репрессиях в Карелии могут быть пересмотрены», в которой утверждалось, что сообщения Килина и Веригина «могут поставить под сомнение устоявшееся в отечественной историографии мнение насчет виновных в массовых расстрелах под урочищем Сандармох в Медвежьегорском районе Республики Карелия, где, по сведениям «Мемориала» и ряда ученых, находятся останки жертв сталинских репрессий 1937–1938 годов». Сам Юрий Килин, упоривший на зверское обращение финнов с военнопленными, заявлял, что если финское командование использовало карельскую инфраструктуру ГУЛАГа для размещения военнопленных, то урочище Сандармох со своими братскими могилами могло стать последним пристанищем для казненных и умерших от голода красноармейцев. С.Веригин в той же статье обвинял «Мемориал» в том, что тот якобы делал упор только на жертвах политических репрессий, не интересуясь возможностью нахождения там захоронений советских военнопленных. Еще через 3 недели, 4 августа 2016 года, схожий сюжет вышел на телеканале «Звезда» под претенциозным названием «Вторая правда концлагеря Сандармох: как финны замучили тысячи наших солдат». Там безапелляционно утверждалось, что в могилах Сандармоха находят массовые захоронения советских военнопленных, и «неизвестно, чьих костей здесь больше». В тексте содержались фантастические утверждения о существовании некоего концлагеря в самом Сандармохе и, опять же, не менее фантастический упрек «Мемориалу», который якобы «разделил найденные в Сандармохе останки на «своих и чужих», оставив кости военнопленных недостойными внимания».

В июне 2017 года в Петрозаводске прошел «круглый стол» «Новые документы о советских военнопленных на территории Медвежьегорского района в период финской оккупации (1941–1944 гг.)», организованный Килиным и Веригиным, на котором была озвучена версия о тайных убийствах сотен (или даже тысяч) военнопленных в финских

лагерях в районе Медвежьегорска и захоронении убитых в Сандармохе. При этом Веригин постоянно оговаривался, что не отрицает захоронение в урочище жертв сталинских репрессий, но считает, что там могут быть захоронены и военнопленные.

НЕ ТРЕВОЖЬТЕ МОГИЛЫ

27–28 августа в Сандармохе побывала официальная экспедиция Российского военно-исторического общества, которой помогли солдаты 90-го отдельного специального поискового батальона Минобороны. Ее результатом стало обнаружение останков пяти человек со связанными за спиной руками, убитых выстрелами в затылок.

Встревоженные действиями РВИО, потомки жертв расстрелов в Сандармохе подписали открытое письмо Министерству культуры России, правительству Карелии, управлению по охране объектов культурного наследия Карелии, администрации Медвежьегорского района, Российскому военно-историческому обществу, отделению РВИО по Ленинградской области и руководителю раскопок Олегу Титберия с призывом прекратить раскопки. «Мы с уважением относимся к деятельности поисковых отрядов, возвращающих из забвения память о без вести пропавших солдатах. Однако проведение поисковых работ с целью найти на мемориальном кладбище «Сандармох» захоронения узников финских концлагерей — совсем другое дело. «Сандармох» — всемирно известный мемориал, признанный после обследования в 1997 году, — является не только историческим объектом, но и уникальным свидетельством народной памяти о терроре XX века и, тем самым, памятником российской истории», — отметили авторы письма. Они подчеркнули, что границы памятника уже установлены и нет никаких оснований и новых документов для того, чтобы подвергать их сомнению. «Проведение раскопок РВИО грозит нарушить целостность мемориального кладбища, потревожить покой мертвых... Не тревожьте могилы наших родственников. Не разрушайте памятник», — говорилось в письме.

Раскопкам и продвижению гипотезы о Сандармохе как о месте захоронения «жертв финских ок-

купантов» была посвящена пресс-конференция в РИА «Новости», прошедшая 7 сентября. При этом самому Сандармоху организаторы пресс-конференции постарались уделить минимум внимания, потратив много времени на рассказы о деятельности Минобороны и РВИО по увековечению памяти погибших во время Второй мировой войны солдат. Участников раскопок на пресс-конференции либо не было, либо они, как начальник поискового департамента РВИО Сергей Баринев, сидели в зале среди зрителей. Возможно, причиной этого было опасение, что они скажут что-то «не то».

Первым вопросом о Сандармохе коснулся министр культуры Карелии и глава регионального отделения РВИО Алексей Лесонен. Отметив, что это «деликатная часть истории» региона, Лесонен признал, что репрессированных направляли именно через этот район на строительство Беломорско-Балтийского канала, а потом на Соловки, и подчеркнул, что в Сандармохе проходили расстрелы репрессированных. Но тут же встал, что рядом «располагались концлагеря, где содержали военнопленных», которых, по мнению Лесонена, расстреливали там же. Он также заявил, что экспедиция РВИО была проведена по просьбе Министерства культуры Карелии, Медвежьегорского музея, в чьем ведении находится Сандармох, и властей Медвежьегорского района, чтобы «разграничить историю напластования» и «уточнить все-таки, где расходятся эти слои», поскольку Сандармох «очень сложный в смысле исторических напластований объект». Правда, в интервью корреспонденту «Новой газеты» Ирине Тумаковой, посетившей раскопки РВИО, и директор Медвежьегорского музея Сергей Колтырин, и глава районной администрации, не сговариваясь, заявили, что инициативу проявили отнюдь не они, а РВИО и Министерство культуры Карелии (что, с учетом должностей Лесонена, — практически одно и то же).

Как выяснилось из того же материала «Новой газеты», карельские ученые действительно предлагали провести экспедицию РВИО, но не в Сандармох, а в места расположения финских лагерей для военнопленных, которые находятся достаточно далеко от Сандармоха. В дальнейшем из вопросов Тумаковой, обращенных к А.Лесонену, выяснилось, что экспедиция еще и проводилась фактически незаконно — без открытого листа на проведение раскопок. Правда, и Лесонен, и Александр Кирилин, экс-заместитель министра обороны, немедленно заявили, что, по их данным раскопки велись на границе или, даже вне границы территории захоронения в Сандармохе. И вновь оказались уличены во лжи. И.Тумакова рассказала, что она ставила геометки на всех выкопанных поисковиками ямах и все они находились на территории, отнесенной к памятнику культуры Сандармох.

«30 октября» обратилась за комментарием об оценке раскопок, проведенных РВИО, к Ирине Флиге, директору НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург), участнице эпопеи поиска «оловецкого этапа», и в частности экспедиции 1997 года.

«В течение 5–7 дней, пока работа на месте велась поисковиками РВИО, были, как минимум, нарушены два закона: о порядке проведения работ на охраняемом объекте-памятнике истории культуры, а также закона о похоронном деле (раскопки на территории кладбища). В 2000 году Сандармох был признан мемориальным кладбищем — объектом культурного наследия. При выезде исследователей-поисковиков на такой объект требуется научно-подготовленная программа, в которой должна быть описана методика исследования территории, а также каких результатов собираются добиваться исследователи».

Осталось неизвестным, какие конкретно работы проведены, какими методами и какой ущерб был нанесен памятнику культуры.

В связи с этим мы заказали юридическо-правовую оценку произошедшего. По ее итогам будем принимать решение о том, как судиться. Есть признаки нарушений как КоАП РФ, так и УК. Абсолютно точно через месяц-полтора мы проведем открытую конференцию, что такое Сандармох, с экспертными оценками, которые применимы для исследования. О том, что объект полностью исследован, речи не идет. Но о том, какими методами вести исследование, необходимо консультироваться с экспертным сообществом», — сказала Ирина Флиге.

Что же касается археолога, то А.Лесонен сообщил, что были проведены консультации с археологом с открытым листом «о том, что в данной местности археологических объектов нет и их никогда не существовало. А после проведения работ там побывал Константин Герман, археолог с открытым листом, который подтвердил, что никаких археологических объектов он не обнаружил. От него будет заключение об этом».

УДОБНОЕ МЕСТО

Профессор ПетрГУ Сергей Веригин, соавтор гипотезы о массовых расстрелах пленных красноармейцев в Сандармохе, начал свое выступление со слов о том, что судьбы советских военнопленных в финских лагерях до последнего времени были белым пятном в российской истории. «Несправедливость была в том, что мы знаем на территории Карелии места захоронений советских солдат, мы знаем места захоронений гражданского населения, но мы до сих пор не знаем ни одного места советских военнопленных», — сказал он, повторив затем ранее озвучивавшиеся тезисы о множестве погибших пленных, в том числе и на строительстве укреплений в Медвежьегорском районе, и о неких показаниях военнопленных, бежавших из финских концлагерей и перешедших линию фронта, где говорится о Сандармохе.

В качестве аргументов того, что захоронения нужно искать именно там, Веригин привел следующие тезисы: в Сандармохе есть песчаный карьер — удобное место для захоронений, а в самом Медвежьегорске строилась, с активным использованием принудительного труда военнопленных, мощная линия укреплений. Однако он так и не объяснил, зачем финнам было возить военнопленных на расстрел на значительное расстояние в прифронтовой зоне.

Ирина Тумакова в своем репортаже, опубликованном 2 сентября, обратила внимание на слова сотрудника Национального архива Финляндии профессора Дмитрия Фролова, подчеркивавшего, что все документы о расстрелах пленных есть в Национальном архиве, а их копии были переданы России.

Веригин также отказался объяснить, откуда, по его мнению, финны узнали о производившихся в Сандармохе расстрелах и почему не сообщили об этом на весь мир, как сделали немцы в случае с Катьинью. Веригин ограничился словами, что он считает так — и все.

Михаил Мягков, советник Владимира Мединского, попытался произвести впечатление на СМИ, рассказав, что по результатам обследований, проведенных РВИО с помощью георадара под 290 памятными знаками, останки, предположительно, находятся только в 107 могилах. Он явно намекал на то, что заявления Юрия Дмитриева и историков-мемориальцев о Сандармохе как месте массового захоронения жертв

Большого террора могут оказаться фальшивыми. «Существует вероятность, что захоронений нет. Есть памятные места, под которыми нет непосредственных захоронений».

Кроме того, в репортаже Ирины Тумаковой из Карелии, вышедшем еще до пресс-конференции, приводились слова медвежьегорского художника Владимира Попова, принимавшего участие вместе с Юрием Дмитриевым в исследовании захоронения после его обнаружения: «Потом большая часть памятных столбов, установленных на расстрельных ямах, повалилась, их восстанавливали кто во что горазд, какие-то люди ставили свои метки. Так что теперь это просто памятники, они могут стоять произвольно».

В целом, несмотря на усилия ведущего, впечатление, которое должна была произвести пресс-конференция, оказалось явно смазанным.

В ЧЕМ ТАЙНЫЙ СМЫСЛ

После пресс-конференции финские историки выступили с опровержением аргументации Веригина. Историк Антти Куяла заявил в интервью Iltä-Sanomat, что сама манера убийства найденных людей не соответствует финской. «Если в Финляндии проводили законный расстрел военнопленного, он смотрел стреляющему в лицо. Незаконный расстрел обычно проводился таким образом: военнопленному стреляли в спину и говорили, что тот пытался, например, сбежать», — сказал он. «Цель этой операции — отвлечь внимание от людей, уничтоженных по приказу Сталина, и подорвать репутацию «Мемориала», — заявил Антти Куяла.

Доцент Антти Лайне из университета Восточной Финляндии в интервью интернет-порталу Yle заявил, что, да, финны совершали военные преступления, но в то же время довольно детально фиксировали свои деяния. Поэтому версия о тайных массовых расстрелах выглядит неправдоподобной.

А в ходе дискуссий в русскоязычном сегменте социальной сети фейсбук была выдвинута вполне правдоподобная гипотеза — кем могли быть те пятеро, чьи останки были обнаружены в Сандармохе. На странице мемориальца Александра Соколова приводилась цитата из книги К.Гнетнева «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах», вышедшей в Петрозаводске в 2007 году, о том, что «где-то под Медвежьегорском» после войны были расстреляны выданные Финляндией «предатели-перебежчики». Вот как раз их вполне могли отвести для расстрела на место, хорошо известное НКВД.

Остается вопрос — для чего производились все эти действия? Похоже, что перед нами обкатка технологии, по которой раньше особо продвинутые любители Ивана Грозного пытались реабилитировать память этого царя, — «не он такой, время такое было». Признавая преступления сталинского режима, эти люди указывают: «А вот смотрите, там тоже так делали, и там, и там», — пытаются добиться релятивизации и «расстворения» сталинских преступлений в преступлениях других режимов. А отсюда лежит прямая дорога к «нормализации» образа Сталина. Ну и вдобавок — будет лишняя возможность пнуть «Мемориал» за бесцеремонное отношение к погибшим военнопленным.

Сем ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Раскопки на территории Сандармоха. 27 августа 2018 года. Фото Сергея Маркелова

ЛИАНОЗОВСКАЯ САГА

В юности судьба крепко-накрепко, на много лет, связала меня с Лианозово: из древнекупеческого Карачева Брянской области я рванул в столицу поступать в вуз — не в любой, а страстно хотелось в МГУ, на факультет журналистики. Как родного приняла меня семья Михаила Сергеевича Гурария, жившая у лианозовского парка в простом деревянном доме №11 по ул. Удличской, на три семьи, с разными входами, неподалеку от белого особняка, по одной из версий, принадлежавшего когда-то директору Савеловской железной дороги, по другой, не верной, — самому Лианозову.

Давший мне кров и уют, черный от времени, немного скособоцившийся домишко и сейчас сразу же оживает в памяти при виде живописных картин Оскара Рабина, одного из художников «Лианозовской группы» (Лианозовская группа — неформальное творческое объединение поставангардистов, существовало с конца 1950-х до середины 1970-х годов. — Примеч. «30 октября»), создавшего новое искусство — искусство эксперимента и взрыва канонов, теперь признанное всем миром в высшей степени гуманистическим.

К моему приезду художники и поэты еще не были разгромлены, но общаться с ними, тем более абитуриенту советского вуза, было тюремно-опасно, и об этом меня предупредили в семье Гурариев: за группой велось скрытое наблюдение, да и расплодившиеся стукачи-сюрреалисты злодействовали, в изобилии смешивая в своих доносах реальное с нереальным.

И все же мне посчастливилось увидеть маленькие картины Оскара Рабина в семьях другой (моей!) «лианозовской группы», которая не была известна какими-то художественными талантами. Жила группа спаянно, взаимопомощно в бедах, а в праздники — в единой радости и светлости. Общались при встречах и застольях, на бесцензурном откровенно смелом языке обсуждая остро стоящий пресловутый «национальный вопрос»: «уезжать — не уезжать». Это были 3 семьи Гурариев, семья моей ровесницы Риты Комиссарчик, семьи Илюши и Саши Синани и многие другие. Преобладали врачи и педагоги.

Молодые из этой второй группы каким-то образом общались с первой группой: я увидел у них работы не только Рабина, но и Лидии Мастерковой, Николая Вечтомова, Владимира Немухина... Они читали мне переписанные от руки барачно-магазинно-заводские стихи Яна Сатуновского, Генриха Сапгира, Игоря Холина, Всеволода Некрасова, Льва Кропивницкого и самого объединителя группы, художника и поэта Евгения Кропивницкого. Стихи безобидные, но авторы были изгоями, под запретом.

Ну, хорошо, группа создавала поставангардистское искусство, но как оно могло поколебать устои великой державы мне было совершенно непонятно. И то, что этих художников и поэтов методично, постоянно преследовало государство,

Гог, Дали и многие другие, коль они не творили по указке партии в стиле Налбандяна, а поэты не писали стихи в стиле Лебедева-Кумача?!

Я исходил вдоль и поперек все одноэтажно-деревянное Лианозово

тратя на эти цели огромные силы и средства, было величайшей глупостью властей. Нет, не призывами к свержению строя, а своей инфантильностью и аскетичностью это искусство разоблачало оборотную сторону задекларированного построения коммунизма. Так какой же мы строили коммунизм, если можно было разоблачить его «призраком» силою, скажем, вот такого стишка Игоря Холина:

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. Восемнадцать квартир.
На стенке лозунг: МИРУ — МИР!
Во дворе Иванов морит клопов,
он — бухгалтер Гознака.
У Макаровых пьянка.
У Барановых драка.
Выходит, что же, «лианозовская группа» намного опаснее афганской войны, в которой мы страшно, жертвенно увязли почти на целых 10 лет, напрасно истощив свою страну, сведя на нет все помыслы о чарующем, сказочном изобилии коммунизма?! Изобилии типа «Кубанских казаков»...

Несомненно, в том тоталитарном обществе, в СССР, были не нужны и гениальные Пикассо, Мане, Матисс, Гоген, Сезанн, Сера, Ван

с его буйно-лиственными деревьями, скрашивающими пугающую убогость двадцати барачков бывшего женского лагеря. Казалось, что лишь вчера здесь убрали колючую проволоку с вышками. А в 5 км от станции Лианозово, как мне поведали местные, был большой мужской лагерь, узники которого трудились на строительстве Северной водопроводной станции (подробно о лагере читайте на сайте toros.meto.ru — Лианозовский лагерь. — Примеч. «30 октября»). Значит, узники использовали и на работах вблизи Москвы...

Но вернусь к Гурариям, моим опекунам. Все они явились на свет в украинском Кременчуге. Михаил Сергеевич окончил Харьковский медицинский институт. Будучи нищим студентом, «похитил», по взаимной любви, свою Любу из очень богатой семьи, и ее неутешно-сердоболезная мама тайно от мужа посылала им еду и деньги в их крохотный дешевенький гостиничный номер, отправляя к ним приемную, удочеренную русскую девочку-сиротку Надю... Кстати, все семьи Гурариев бескорыстно, по своей воле, брали в семью детей-сирот, чьи родители стали жертвами голодомора, и спасли их, дав обра-

зование, обеспечив жильем и всем необходимым.

В Великую Отечественную войну Михаил Сергеевич был ведущим хирургом эвакогоспиталя №3167, расположенного в здании школы №7 на ул. Ленина в городе Слободском Кировской области. 6 отделений госпиталя были хирургического профиля и одно — смешанного. В основном поступали тяжелораненные. Много было больных туберкулезом легких — от холодно-сырой окопной жизни и плохой еды.

Хирурги работали круглосуточно. Михаил Сергеевич сделал более 6 тысяч операций, а представлять к наградам его и других хирургов не спешили: все фамилии были «не те», хотя характеристики, до сих пор хранящиеся в ГАСПИКО, вне всякого сомнения говорят об их подвигах. Десятки тысяч спасенных жизней бойцов и командиров! Кстати, потом, после войны, Михаилу Сергеевичу довелось лечить деятелей искусства, вождей и дипломатов, в том числе посла Индонезии, подарившего ему двухтомный тяжеленный уникальный фолиант «Живопись Индонезии» (почти 16 кг), который я храню с самой душевной признательностью к Михаилу Сергеевичу.

Много раз мясники Ежова и Берии пытались сфабриковать дело против Гурария, да зацепиться было не за что: на его счету — ни одной смерти больного! Разве что зацепкой был младший брат, тоже Миша, который сидел в одном из воркутинских лагерей по ст. 58-10 («пропаганда или агитация к свержению советской власти»). Перед войной он жил в Нежине и там женился на красавице Ларисе. Как-то пригласил к себе домой друга, в недавно полуценную квартиру. Сидели, беседовали, смеялись до упаду, до слез в глазах: Миша был мастером на анекдоты и когда входил в неостановимую веселость, то становился еще даровитее по этой самой части. Тогда же

невольно слетела с его губ фамилия Сталина. И главное, знал же, что каждый второй в СССР и даже, случалось, жены могли быть стукачами. И надо же, как подло и банально — по «сверхбдительному» заявлению этого самого «лучшего друга» Мишу упрятали на 10 лет в лагерь, а друг переехал в его новую квартиру, женившись на Ларисе. Выжив в лагере, Миша решил после отбытия срока не возвращаться домой («Вернусь, а меня — снова в лагерь, дождусь иных времен...»). Так как он был бухгалтером-экономистом от бога, да еще с высшим образованием, то начальник лагеря охотно принял его на эту должность, дал комнату, а за еду высчитывал из зарплаты. Так Миша спас самого себя от мясников Сталина.

Но почему два Миши в одной семье? Как выяснилось, первый Михаил Сергеевич с рождения был наречен Моисеем. Но при тоталитарном режиме такое имя не вызвало доверия у сталинистов, могли за пустяки взять «под микитки» и — на Колыму. Поэтому по-семейному решили «переименовать» Моисея в Михаила Сергеевича. Младшего же домочадца стали звать просто Мишей, и особенно это нравилось его племянницам, считавшим его по общительности и по вечной молодости духа равным по возрасту. Я звал его дядей Мишей. Он был одинок — ни жены, ни детей, ни внуков. Возможно, внутренне он осознавал, что жизнь его была сломана. По сути, в зоне и потом воль-

Окончание на с. 11

1. Фонд 1290, оп. 10, дело 138, л. 124.

На снимках: «Королевство Лианозово», Оскар Рабин, 1962 г. Белая дача в Лианозово, по соседству с которой и жили в своих домах Гурарии, Комиссарчики, Синани и многие другие из второй «лианозовской группы». Сейчас здание в плачевном состоянии после пожара. Фото из архива автора

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

Окончание. Начало на с. 2

И возникает вопрос: и сколько же надо было привлечь народа для реализации всего этого ужаса? Ведь без крутого менеджмента такое не организуешь. Нашлась и законодательная база. Ведь у нас не какая-то там Кампучия, где пацаны с мотыгами 3 года по стране бегали. У нас ведь правовой порядок.

Каждое дело начиналось с доноса. Один написал донос, другой составил постановление о возбуждении дела. Кто-то выписал ордер на арест и обыск. Дальше — оперативники. Не просто же один участковый на рассвете в дверь поцарапался! Приходили с оружием человек 5-6. И не пещком же они пришли! На улице пара машин ждет с терпеливыми водителями.

Потом — СИЗО, охрана, конвой, вертухай и следователь. А следствие, бывает, длится долго. Мой отец по статье 58-10 находился под следствием 14 месяцев, получил 5 лет и через 9 месяцев умер в тюрьме.

И все это время арестованного надо как-то кормить. Не шашлыком, конечно, но баланду из перловки с капустой сварить для него надо, а то он, вражина, и до суда не дотянет. А без суда нам нельзя (хотя иногда можно). Значит, нужен повар. Потом прокурор посылает в суд, а суд с бешеным напльвом дел не справляется.

Придумали Особые совещания, а они тоже не справляются. Тогда на местах создали «тройки» и упростили процедуру рассмотрения дел. Хотя упрощенную процедуру ввели еще в 1918 году, а теперь она пригодилась.

После приговора тех, кому «повезло», ждал этап, эшелоны, конвой, долгий путь на зону, опять охрана, вохры, вертухай. Тех, кому «не повезло», — подвал, палачи, транспорт до полигона, землекопы.

И так полтора года ежедневно и круглосуточно, без отпусков, праздников и выходных. Без обедов и перекуров.

Сколько же народа надо было к этому привлечь?

Наверное, заметные миллионы... У всех участников этого ужаса и с той, и с другой стороны были и могли быть потомки. У расстрелянных — мало, у сидевших могло быть чуть больше (некогда им было — сидели долго), а у вертухаев, оперов, прокуроров, следователей и прочих исполнителей — много больше. Ведь они ходили на службу, ночевали дома, доживали до пенсии.

И получается, что потомков с генетической памятью вертухаев намного больше, чем с генетической памятью расстрелянных и репрессированных. Сыновьям потомков Большого террора сейчас уже за 80 лет, внукам — около 50 лет, а правнукам, которых воспитывали отцы и деды, — под 30. А потомкам обычных людей, которых не коснулся террор, все «по барабану». Ведь не было же государственной оценки истории того периода. Ведь никто же не сказал, что это был ужас, который не должен повториться.

Поэтому совсем не удивительно, что в обществе у кого-то возникает желание поставить памятник «успешным и талантливым менеджерам».

Поэтому совсем не удивительно, что среди 6 кандидатов на пост президента России двое открыто заявляли о своей приверженности сталинизму. (Такие приверженцы и в Федеральном Собрании встречаются, и в Госдуме, и в правительстве.)

Хотя, может быть, они просто вралли? Может, они просто боролись за электорат? Готовясь к своей предвыборной кампании, они просто выяснили, что потомков вертухаев намного больше, чем потомков расстрелянных и отсидевших. Мы же в их родословных не копаемся. Может быть, зря?

Вот теперь я осознал всю глубину ужаса Большого террора и его последствий. Просто надо признать, что (повторяю) в истории моей Родины был период, когда «срока огромные бредли в этапы длинные» полтора года подряд. Ежедневно, без выходных и отпусков. В Великий пост и на Пасху, в Петров день и на Благовещение. На майские праздники и в годовщину революции. Полтора года каждый день в стране арестовывали 14 «коробочек» по 200 человек, а 6 из них расстреливали. Каждый день. Полтора года.

Юрий ЧЕРНОЗАТОНСКИЙ

➤ Продолжение. Начало на с. 1

Его арестовали как участника заговора писателей против Сталина во главе с Н.Тихоновым. Уходя, НКВДшники опечатали кабинет и захватили с собой лившицевский архив — мешками! Через 11 месяцев они вернулись и унесли всю мебель, все картины и остатки архива.

Приговор — «десять лет без права переписки» — сегодня уже не нуждается в разъяснениях: расстрел!

В официальной справке, выданной в 1953 году, сообщалось о смерти Лившица Бенедикта Константиновича, наступившей якобы 15 мая 1939 года якобы от сердечного приступа. На самом же деле его расстреляли 21 сентября 1938 года, после чего и заявили за имущественным.

СОБСТВЕННЫЙ АРЕСТ И РЕАБИЛИТАЦИЯ

Да, империялы в свадебных туфельках явно не сработали!

Согласно постановлению ЦИК СССР от 10 июня 1934 года, Екатерине Константиновне Лившиц как классическому ЧСИР, то есть «члену семьи изменника Родины», «полагалась» автоматическая высылка из Ленинграда. Но нет: ее не выслали как представителя зачумленного контингента, а индивидуально арестовали.

Произошло это, напомним, 31 декабря 1940 года — под самый Новый Год. 18 апреля 1941 года состоялся «суд», приговоривший ее к 7 годам лагерей и 2 годам поражения в правах по ст. 58 пп. 8, 10 и 11. 19 мая 1941 года, после кассации, подпункты статьи ограничили десятим, приговор изменили и срок снизили

и русскоязычную «Зарю Востока». В Берлине он организовал Союз советского студенчества в Германии, который и возглавил. В 1924 году под именем Ганса Шлоссера вступил в компартию Германии.

После возвращения в Тифлис в июле 1927 года Мегрелидзе сочетал преподавательскую работу в вузах с высокими постами в партийном или советском аппарате Грузии: в 1927—1929 гг. он заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК(б) Грузии, в 1929—1931 гг. — начальник Главнауки Наркомпроса Грузии, в 1931—1933 гг. — заместитель заведующего секцией языка и истории материальной культуры Института марксизма-ленинизма, председатель Госкинопрома Грузии, ректор Академии художеств и т.п.

В 1933 году Мегрелидзе был откомандирован с семьей в Ленинград, поселился на Васильевском острове,

...Из трех подружек у Таты был поначалу самый мягкий приговор. Все 5 своих лагерных лет бывшая балерина провела в Сосье, в лаг-отделении Севураллага (Северный Урал). 9 сентября 1944 года Всеволод Петров писал Ольге Николаевне Гильдебрандт-Арбениной: «С Ек. Конст. я переписываюсь все время. Письма ее бодрят; условия ее содержания относительно терпимы. Но это не мешает мне жить в непростой тревоге за нее: а о встрече с ней я думаю, как о счастье, на которое боюсь надеяться»¹¹.

«Видели бы мои предусмотрительные родители, — писала Е.К.Лившиц в своих незаконченных «Воспоминаниях», — как я вернулась с Урала, не имея права жить в Ленинграде, без паспорта, с соответствующей справочкой, в бушлатике, перешитом из старой шинели, верно служившей неизвестному мне

лесхозе. И все это — в «застывшей» зоне, дрожа от страха потерять даже такую работу (в годы политических репрессий на 101-й километр и далее отправляли членов семей репрессированных по ст. 58 УК РСФСР; позднее подобной высылке подвергались главным образом неработавшие граждане (тунеядцы), диссиденты и осужденные по особо тяжким статьям УК РСФСР. — Примеч. «30 октября»).

27 марта 1953 года судимость с Е.К.Л. сняли, но сняли по амнистии. Возмущившись, она опротестовала это в заявлении в Главную прокуратуру СССР от 3 декабря 1955 года:

«Я считаю, что никакого государственного преступления не только не совершала, но у меня и в мыслях не было совершать, и все преступления, которые мне приписывали,

«Я С МЕРТВЫМИ НЕ РАЗВОЖУСЬ!..»:

Овдовев в 1938 году, в 1939 году Екатерина Константиновна осиротела: 16 февраля в Петергофе умерла ее мать⁵.

А 31 декабря 1940 года арестовали и ее саму.

Между мужниным и собственным арестом Е.К.Л. суждено было пережить и такой сокрушительный удар, как отказ киевских и проскуровских родственников мужа взять к себе «зачумленного» племянника. Осиротевшего Кирилла приютили и спасли совершенно чужие люди!

Поначалу мальчика забрали в детский дом, где он повел себя дерзко, а однажды запустил стулом в воспитательницу, обзававшую его сыном врага народа. Тогда Алексей Матвеевич Шадрин, давний друг, поэт и переводчик, сам с февраля 1938 по май 1940 года находившийся под следствием, оказавшись на свободе (даром что инвалидом II группы), взял его под свою опеку, и под его руководством Кика окончил семилетку.

Когда началась война, Кика, без спроса и согласия, ушел добровольцем в армию. Получив легкое ранение, был демобилизован и вернулся в Ленинград. Там он выхлопотал себе паспорт, по получении которого через соседа-шофера устроился в гараж учеником. А 8 февраля 1942 года он снова зацепился за армию: его взяли вольнонаемным писарем военнопересылочного пункта Ленфронта. Был Кика от природы и здоров, и силен, но блокада сильнее: медосмотр выявил всю тяжесть его истощения (постоянные обмороки, непроходящий голод — дистрофия III степени), и 27 февраля его эвакуировали из Ленинграда в Череповец.

Из Череповецкого эвакогоспиталя Кикю перевели в Вологодский, а 6 мая в Свердловский, находившийся в поселке Уктус, что в 8 км от Свердловска. Здесь 15 июня он прошел медицинскую комиссию, признавшую его годным к строевой⁶. Сержанта Кирилла Лившица отправили в Ульяновск в распоряжение Волжской военной флотилии, где определили в бригаду траления и отправили под Сталинград. 18 октября 1942 года Кирилл Лившиц попал под лихую бомбежку и был убит. Он был похоронен на Мамаевом Кургане.

И каждый год в День Победы горечь подступала к вискам. 9 мая 1984 года Екатерина писала Евгению Дейчу: «Сегодня день победы. Было много звонков, но так получилось, что я провела этот день в одиночестве, в размышлениях о том, что было бы, если бы мальчик мой не был убит, не лежал бы в сталинградской земле, были бы у меня, как у Марины, внуки и правнуки, а теперь меня только в трамваях бабушкой называют»⁷.

до 5 лет с сохранением поражения в правах⁸.

Когда арестовали ее саму, Тату, следовательно, во-первых, дал ей понять, что Бена уже нет в живых, а потом, видимо, очарованный ее скорбной красотой, предложил ей — без обиняков и сентиментальностей — выйти за него замуж.

Задумайтесь! Мало было власти, «отвратительной, как руки брадобрея», отобрать у Таты Лившиц все, что ей было дорого, — разорить семейный очаг, расстрелять мужа и осиротить сына! Нет, палачам хотелось оприходовать еще и ее саму — с пользой для общества и к собственному удовольствию!

Так восхитимся мужеством этой хрупкой и беззащитной женщины, отказавшейся от столь лестного предложения...

Сама Екатерина Константиновна полагала, что арестовали ее прежде всего за разговоры в кругу жен репрессированных по так называемому «грузинскому делу», когда основательно «погромили» всю грузинскую колонию в Ленинграде.

И действительно, «дело» ее было коллективным, причем обе поделницы-товарки, с которыми она познакомилась в тюремных очередях, были арестованы несколько раньше нее: Варвара Ивановна Топадзе (1909—?), врач-хирург больницы им. Эрисмана, — 2 ноября⁹, а Цуца (Александра Федоровна) Карцивадзе (1905—1970) — самая близкая подруга Е.К. — 12 декабря 1940 года, в тот момент, когда она приехала в Ленинград из Тбилиси для оформления обмена квартиры. Цуцу первоначально приговорили даже к «высшей мере наказания», но 18 апреля 1941 года расстрел заменили десятью годами ИТЛ (сроком, к которому с самого начала приговорили и Варвару Топадзе).

Цуца отбывала свой срок в Севостлаге, а после лагерную ссылку (в 1950—1956 гг.) провела в Енисейске. Сроком исковой давности ей назначили 16 ноября 1956 года — без судебного пересмотра и со снятием поражения в правах с применением к ней амнистии от 27 марта 1953 года. Дочка Манана все это время жила и воспитывалась у ее сестры, Нуны Карцивадзе. Вернувшись в Тбилиси, Цуца прожила еще около 15 лет и умерла в сентябре 1970 года.

Муж Цуцы Константин Романович (Кита) Мегрелидзе (1900—1943), известный советский психолог, социолог и общественный деятель, был личностью незаурядной. В 1924 году его, выпускника Тбилисского университета, направили для продолжения образования в Германию — в университеты Фрайбурга и Берлина. При этом он писал корреспонденции о внутригерманских проблемах в обе тбилисские газеты — грузиноязычную «Коммунисти-

в доме №32 по 7-й Линии. Работал он в Институте мышления и языка АН СССР, где вскоре стал парторгом и, по совокупности научных трудов, получил кандидатскую степень. В 1935—1936 годах он работал в Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. В 1935 году подготовил и представил в Ученый совет Института философии АН СССР свою докторскую диссертацию «Социальная феноменология». Монография с тем же названием ушла в типографию.

Но все пошло прахом после того, как в августе 1936 года Мегрелидзе исключили из партии — за то, что он не донес на жену, в 1923 году якобы участвовавшую в меньшевистской подпольной организации. 4 февраля 1938 года он был арестован и обвинен в связях с дашнаками (Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн» — одна из старейших армянских политических партий. Была создана в 1890 году в Тифлисе. Действовала на территории Российской империи, Османской империи, Ирана, США, ряда стран Европы. — Примеч. «30 октября»), троцкистами-зиновьевцами и иностранными разведками. Однако 30 декабря 1939 года следствие было прекращено, и его, тяжелобольного, неожиданно освободили. Он возвратился в Тбилиси и до декабря 1940 года проработал в Институте языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР. Узнав об аресте жены, он бросился в Ленинград, где 31 декабря 1940 года — ровно через год после чудесного освобождения и в день ареста Таты Лившиц — арестовали и его самого. Приговоренный 19 апреля 1941 года Судебной коллегией к 10 годам ИТЛ, он сидел в Вятлаге, в Кайском районе, где и умер 17 сентября 1944 года¹⁰. Реабилитировали его 3 сентября 1958 года.

После ареста Киты в 1936 году его рабочий кабинет в Институте востоковедения в Ленинграде опечатали. Опечатали дверь, но не окно, которое даже не было закрыто. Воспользовавшись этим, Иосиф Мегрелидзе, племянник Киты и одновременно ученый секретарь Института и аспирант Н.Я.Марра, залез в опечатанный кабинет и забрал оттуда наборный экземпляр так и не вышедшей в 1935 году книги. Добрых 30 лет он хранил этот текст под защитой обложки какого-то из трудов В.И.Ленина. И только в 1965 году в тбилисском научном издательстве «Мецниереба» стараниями семьи и коллег был, наконец, выпущен главный труд жизни Мегрелидзе — монография «Основные проблемы социологии мышления», переизданная дважды — в 1973 и в 1990 годах.

Одна из улиц в гурийских Озуркетах (в советское время — Махарадзе, сейчас — Озургети) названа его именем.

русскому солдату все военные годы, и с 17 рублями в кармане, заработанными мною за 5 лет!»

Лагерный срок з/к Лившиц Е.К. истек 31 декабря 1945 года. В 1946 году Екатерина Константиновна освободилась из лагеря и первые полгода свободы прожила все в том же Севураллаге, в Сосье, но уже как вольнонаемная, работала техниконструктором. 23 июля 1946 года ей фактически аннулировали поражение в правах и направили к избранному месту жительства — в Осташков Калининской области. Затем она поселилась в Щербакове (нынешнем Рыбинске), где около двух лет работала нештатным руководителем кружков самодеятельности, потом в Луге, в мастерской по ручной росписи женских косынок и платков (артель «Красный трико-тажник»), а затем в аналогичной артели в соседнем Толмачеве. В 1951—1952 годах она работала в Сиверском

вались, являются плодом досужей фантазии авторов предварительного следствия. <...>

Следствие возводило на меня очень тяжелые обвинения. Следователь Ефимов, добиваясь моего признания, обливал меня потоками самой отборной брани, заставлял меня стоять целую ночь, бил меня (главным образом кулаками по переносице), и, стоя со своим помощ-

Окончание на с. 11 ➤

5. До 4 апреля 1942 г. — даты смерти ее отца в блокадном Ленинграде — оставалось чуть больше трех лет.

6. Обаяв в регистратуре какую-то деваку, Кика «потерял» свои документы, а при их возобновлении накупил себе пару годков!

7. Из письма к Е.К.Дейчу от 9 мая 1984 г. (РГАЛИ).

8. РНБ. Ф. 1315. Д. 1. Л. 12.

9. В 1956 г. В.И.Топадзе проживала в пос. Назарово Красноярского края (см. www.vizg.nlr.ru).

10. Книгу, написанную им в лагере, разыскать не удалось.

11. Архив автора. Письмо было адресовано в городской театр г. Ирбит в Свердловской области. На конверте штемпели: «Письмо красноармейское бесплатно» и «Промотрено Военной цензурой. 1957?».

➤ Окончание. Начало на с. 1, 10

ником против меня, они долго по очереди плевали мне в лицо. Три месяца я сидела в сырой и холодной одиночной камере №2 тюрьмы на улице Воинова при синей лампочке и так была терроризирована следователем, что даже на судебном заседании не могла говорить свободно, ибо Ефимов присутствовал на суде, и я была уверена, что нахожусь в его власти. Еще накануне суда он угрожал мне расстрелом, шантажировал меня моим сыном и отцом и уверял, что если на суде я буду отрицать свою вину, он даст мне такую характеристику, что меня все равно сгноят в лагере! Я подтвердила на суде, что всегда считала своего мужа невинно осужденным, но я и до сих пор убеждена, что он не мог быть государственным преступником. <...>. Я была так запугана и за-

реабилитации мужа, Екатерина обратилась в ленинградское отделение Союза писателей СССР с ходатайством о посмертном восстановлении Лившица в правах члена ССП СССР¹⁶. Уже 21 ноября 1957 года (под председательством Д.А.Гранина)¹⁷, а затем, вторично, 26 декабря (под председательством А.А.Прокофьева) состоялись заседания, соответственно, секретариата и правления ленинградского отделения Союза писателей, единогласно постановившие: Б.Лившица в ленинградских писателях восстановить и (стандарт в этих делах) просить Литфонд СП СССР выплатить Е.К.Л. двухмесячную зарплату из расчета 3000 руб. в месяц. Кроме того, ввиду секции критиков (а почему вдруг ее?) рассмотреть в ближайшее время вопрос о составе комиссии по литературно-му наследию Б.Лившица.

красоту и Лялю (даже неловко писать) für das ewige Weibliche (вечная женственность). Надин ум, конечно, остался при ней, das ewige Weibliche уже давно от меня ушло, а вот Вы сумели сохранить не только свою прелестную внешность, но и ту душевную Красоту, о которой тогда и речи не было, поскольку для относительно спокойной и мерной жизни в ней и надобности особой не было. // Но вот наступили мученические годы, и Вы сумели их прожить так, что мне захотелось не только вспомнить слово Эм. Вениаминовича, относящееся к Вам, но несколько изменить правописание слова «красота». Вас надо любить, дорогая, за Красоту. Редко какой женщины после 30 страшных лет разлуки это можно сказать и при том с абсолютно чистым сердцем, как делаю я сейчас...»¹⁹

И произнес убийца Бена: «Иди, ищи ему замену. Глядишь, и я тебе сгложусь?..» Но нет, не общая природа У слуг и у врагов народа: «Я с мертвыми — не развожусь!»

Итак, подержать в руках вожделенную книгу, на которую она положила весь остаток своих жизненных сил, вдове Бенедикта Лившица не привелось!..

И никак не избыть горького чувства несправедливости, досады и общей вины, в том числе и моей личной, коль скоро первый шаг, приведший к этому, сделал я.

На хлопоты и работу ушло 8 с лишним лет. Восемь с лишним!..

Рецензий было две — Вячеслава Иванова и Ефима Эткинда. Прочих откликов — писем, звонков — десятки! Среди них, впрочем, и сносские упреки из сегодняшнего дня.

ЛИАНОЗОВСКАЯ САГА

➤ Окончание. Начало на с. 9

ным в той же зоне он проработал около 30 лет, до самой пенсии, а виду не подавал, что это его тревожит.

Мы уговаривали его жениться, правда, безуспешно. Нашли ему мою землячку, добрейшую Лидию, родом из Жуковки на Брянщине. Она была вдовой, жила одна в Москве неподалеку от Нижних Лихоборов. Ее часто навещала дочь, которая была замужем за Александром Григорьевичем Векслером, крупным ученым-археологом, ставшим в 1998 году главным археологом Москвы. Он дарил мне свои интересные книги...

Дядя Миша во время многолетнего сидения в лагере никогда не обращался, даже намеком, как и все Гурарии, к своей сестре Раисе Сергеевне, бывшей замужем за ответработником НКВД, впоследствии полковником, Семеном Григорьевичем, который, конечно, верил в полную невинность дяди Миши, но помочь ничем не мог — сам бы полетел с должности. Злодеем он не был, никого не пытал, не допрашивал, трудился совсем по другой части. Диву даешься, как ему удалось усидеть в «органах», пройдя чистки, изощренные испытания на верность товарищу Сталину... Жил он с семьей неподалеку от Кремля, в «доме на Набережной», в котором в 1970-х годах бывал и я, сразу попадая в объятия «вечного праздника».

Все там резко контрастировало с обстановкой и атмосферой в Лианозово, в домах братьев Раисы Сергеевны. Даже в лианозовском каменном доме старшего брата, Льва Сергеевича Гурария, бывшего крупного советского руководителя-хозяйственника, а в мою бытность — директора небольшого лианозовского завода, не было того паразитического мебельного уютя, дорогих штор, всяких столовых сервизов и кухонных приборов. У последнего преобладали книги, которые потом были подарены мне... А у Раисы Сергеевны за красиво сервированном столом хотелось длить и длить приятную трапезу, тем более, что хозяйка увлекала подробностями жизни всех великих в ее доме...

Льва Сергеевича Гурария тоже не раз пытались арестовать, приписать ему враждебную деятельность и расстрелять, но он на любом новом месте как-то быстро становился поистине отцом простым работягам и служащим, и они всегда стояли горой за него...

Все 3 брата и сестра Гурариев с семьями, когда-то сбегав из опасного Кременчуга, куда посылались плановые разрядники на уничтожение «ненадежных интеллигентов», оказались в Москве. Но особенно знаменитым был их троюродный кременчугский брат Самуил Михайлович Гурарий, правительственный фотокорреспондент, друг К.М.Симонова и многих известных политиков, художников, писателей, поэтов, театральных деятелей... Его легендарная жизнь, несомненно, достойна романа. Общение с ним, «личным фотографом Сталина и Молотова», открыло мне много неизвестного, ибо он все знал о публичной жизни вождей Большого террора. Умер он 7 декабря 1998 года в Нью-Йорке, где вынужден был жить с семьей в трудные годы после развала СССР... Но похоронен, по его воле, в Москве на Востряковском кладбище.

Вспоминая с искренним благодарением всех тех, с кем мне посчастливилось жить и общаться долгие годы в Лианозово, быть ими душевно обогретым, спасенным от невзгод, холода и голода, хочу сказать, что судьба подарила мне дружбу с сильными людьми, потому и не сгинул, не надломился и ныне живу памятью сердца — она часто возвращает меня в мою лианозовскую юность...

Николай ПОЛЯКОВ,
Брянский «Мемориал»

О ЕКАТЕРИНЕ ЛИВШИЦ

мучена следователем, что не посмела заявить на суде о побоях и других издевательствах, которым меня подвергал Ефимов, чтобы вынудить у меня признание в несовершенных преступлениях. <...> Я не могу примириться с тем, чтобы мое «преступление» было покрыто актом амнистии, так как я не виновата и имею право на реабилитацию.

Прошу Главную прокуратуру о затребовании дела и принесении протеста на предмет отмены приговора и прекращения дела производством за отсутствием состава преступления¹².

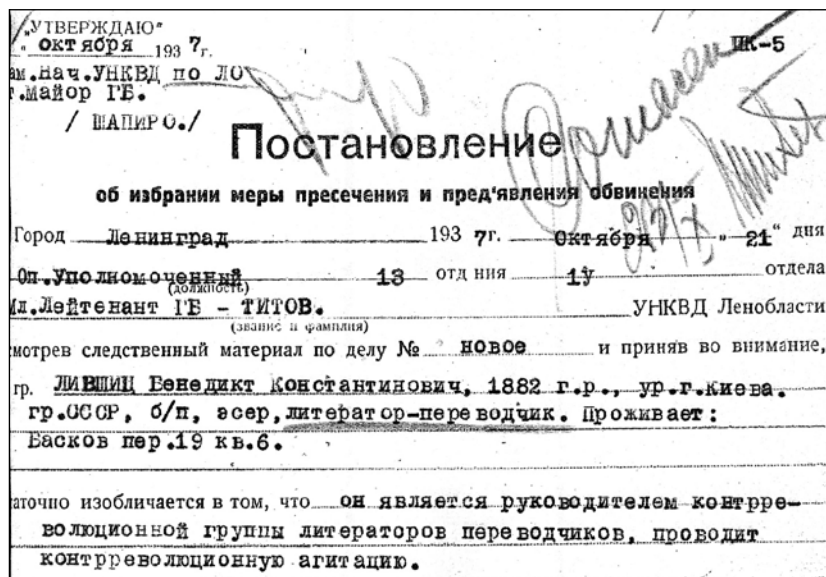
В 1954 году, после снятия судимости, Е.К.Л. какое-то время жила в Гатчине¹³. Вернувшись в Ленинград¹⁴, долго не могла устроиться в штат и работала машинисткой по временным соглашениям: в 1953–1954 гг. она печатала для Главместопромсбыта, в 1956–1963(?) гг. — для артели «Интехобъединение», а в 1964–1970 гг. — для Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР. Со временем она устроилась и на постоянную работу — библиотекарем Ленинградского научно-практического стоматологического института.

ХЛОПОТЫ О РЕАБИЛИТАЦИИ БЕНА И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Одновременно с хлопотами о собственной реабилитации Е.К.Л. занималась реабилитацией и Бенедикта Константиновича. С покойным мужем Екатерину Константиновну соединяли узы неизбывной тоски, растоптанной любви и разрушенной семейной жизни.

3 декабря 1955 года она направила в Главную военную прокуратуру ходатайство о пересмотре его дела и о реабилитации. В качестве рекомендатель Лившица как честного советского человека в нем названы А.А.Прокофьев, В.М.Саянов, А.А.Смирнов и П.Г.Антокольский. Уже 4 января 1956 года пришел первый отклик: мол, ваша «жалоба» направлена для проверки в Ленинградский военный округ. 26 апреля военный прокурор округа сообщил, что «жалоба» направлена Главному военному прокурору для окончательного разрешения. Тот, в свою очередь, уведомил 1 июня о направлении «жалобы» для рассмотрения в Военную коллегия Верховного Суда СССР, где она застряла чуть ли не на полтора года. И только 24 октября 1957 года дело Б.К.Лившица было рассмотрено и пересмотрено, после чего его реабилитация стала юридическим фактом, о чем вдова получила соответствующую справку за №4н-06291/57 от 10 ноября 1957 года¹⁵.

Следующий реабилитационный круг — профессиональный. 19 ноября, приложив копию справки о

Оставалась еще одна бюрократическая записка — вопрос о творческом стаже Б.Лившица. Решался он только в Москве, отчего Е.К.Л. обратилась в правление СП СССР. 31 марта 1958 года секретариат рассмотрел этот вопрос и постановил подтвердить, в соответствии с постановлением Совета министров СССР № 946 от 7 августа 1957 года, непрерывный творческий стаж Лившица Б.К. с 1911 по 1939 г.¹⁸

При живом Бене Тата никогда не работала, муж содержал ее как иждивенку. От собеса она получала лишь 37 рублей пенсии по потере кормильца. Зато ее заботливо «подкармливал» Бен — своими прозаическими переводами, сделанными качественно и потому выходящими с завидным постоянством. Впрочем, за вдовью гонорары пришлось и побороться: это был своего рода третий реабилитационный круг — денежный, издательский.

При этом совершенно особенную роль сыграл роман Виктора Гюго «Человек, который смеется». В переводе Б.К.Л. он впервые увидел свет в 1935 году. Ленинградское отделение «Художественной литературы» выпустило его тогда тиражом 15 300 экземпляров, в 1937 году — и уже без указания имени переводчика — его переиздал Госиздат Белоруссии (тираж 10 000 экземпляров), а согласно справке Всесоюзной книжной палаты от 22 сентября 1957 года, между 1950 и 1955 годами роман переиздавался 11 раз суммарным тиражом в 1,3 миллиона экземпляров! Тираж на гонорарах не считался.

Но всего драгоценнее — сохранившиеся дружеские связи. В 1962 году Ирина Вениаминовна Будовниц, нареченная друзьями Лялей, напоминала Тате: «Милая, милая моя Таточка! // <...> Когда-то давным-давно милый старик Эмиль Вениаминович Мандельштам сказал как-то, что любит Надю — за ум, Тату — за

НЕ ДОЖИЛА!..

Всю свою послелагерную жизнь, все свои вдовьи силы Екатерина Константиновна посвятила борьбе за переиздание книг Бенедикта Лившица. Не вдаваясь в подробности, часто огорчительные, скажем: она в этом преуспела.

В 1964 году в Тбилиси вышла тоненькая книжка Бенедикта Лившица «Картвельские оды» — собрание его стихов, переводов с грузинского и писем грузинским поэтам (составитель Гарегин Бебутов, автор предисловия Гогла Леонидзе). В 1972 году в Москве вышла книга «У ночного окна» — собрание французских переводов Лившица (составитель и автор предисловия Вадим Козовой).

Помощником в подготовке самого главного из наследия Бенедикта Лившица — его стихов и прозы («Полтораглазый стрелец») — суждено было стать мне. Опуская здесь всю драматургию и все детали этой подготовки, часто смахивавшей на отчаянную борьбу, доложу о нашей победе. О драматизме даже на самой финальной стадии свидетельствуют эти даты: книга Бенедикта Лившица «Полтораглазый стрелец: Стихи. Переводы. Воспоминания» была сдана в печать 14 сентября 1987 года, а подписана к печати только 17 марта 1989 года.

К этому времени Екатерины Константиновны Лившиц, увы, уже не было в живых. Она умерла 1 декабря 1987 года и была похоронена на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

В день ее похорон я написал посвященные ее памяти стихи:

Так вот каков он — праздник скифский.
Каэр²⁰ без права переписки
И с конфискацией семьи!
А ненасытная медуза
Над каждой люлькой союза
Свивает шупальца свои.

И такую-то дивную аллюзию комментаторы, мол, не нашли, и такие-то стихи (со Сталиным внутри), якобы блюдя репутацию Лившица, мы в том не включили, и так далее, и тому подобное²¹!

При этом звучат странные и взаимоисключающие утверждения: 1) просоветские стихи ничем не отличаются от всех остальных — они такие же хорошие; 2) одновременно они и не просоветские (в них, мол, и Сталин-то назван всего один раз, да и то по фамилии) и 3) их наличие в книге лишь подчеркивало бы трагичность судьбы поэта. Да и гипотеза о том, что у Лившица все и так печаталось с колес, поражает не столько смелостью, сколько беспочвенностью. Гибель архива при аресте и полторы тысячи утраченных с «Картвельскими одами» в тифлисском издательстве строк тут просто вопиют!

А на упрек в «цензуре наоборот» ответу. Нежелание включить в этот том стихи о Сталине было совершенно осмысленным и ответственным. Мы — вдова поэта и я — готовили не академическое издание, где всякая лакуна была бы неуместна. Нашей целью был том, который знаменовал бы собой возвращение Бенедикта Лившица к читателю — предельно полное избрание, самое лучшее из его поэзии, переводов и прозы. И именно такая книга — книга-праздник — вышла из наших рук.

На очереди — полное собрание стихов и переводов Бенедикта Лившица, и оно готовится в «Библиотеке поэта». Вместе со мной над ним работают Михаил Яснов и Дмитрий Зувев. А в издательстве «АСТ» (редакция Елены Шубиной) готовится сборник воспоминаний и писем Екатерины Константиновны Лившиц.

Павел НЕПЕР,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

12. РНБ. Ф.1315. Д.2. Ответа на это заявление Е.К.Л. так и не дождалась.
13. По адресу Зверинская ул., 8.
14. В 1958 г., например, она жила у приятельницы по адресу ул. Л.Толстого, 1/3, кв. 68. РНБ. Ф.1315. Д.133. Л.1-7.
15. ЦГАЛИ СПб. Ф.Р-371. Оп.2. Д.118. Л.10-11.
16. Там же. Л.13.
17. РНБ. Ф.1315. Д.133. Л.8-9. Тогда же утвердили и выплату Е.К.Л. 6000 рублей за погубленного мужа. Ср. там же: «Одновременно разъясняя, что в отношении возращения конфискованного имущества и возмещения его стоимости Вам следует обратиться в УКГБ по Ленинградской области. В отношении реабилитированных и членов их семей установлены права и льготы, предусмотренные Постановлением Верховного совета СССР №1655 от 8.9.55, с которыми Вы можете ознакомиться в Исполкоме местного Совета депутатов трудящихся» (Л.5).
18. РНБ. Ф.1315. Д.32.
19. Каэр — ир, сокр. контрреволюционер. — Примеч. «30 октября»
20. Молодяков В.Э. Загадки Серебряного века. М., 2009. С.235 — 236.

На снимках: Екатерина Лившиц.
Копия постановления из дела Бенедикта Лившица.
Из архива автора

АВГУСТОВСКИЕ И СЕНТЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1918. 30 августа

В Москве и Петрограде были совершены покушения на видных большевиков: тяжело ранен Ленин, убит председатель петроградской ЧК М.Урицкий. Подтвержденных данных о том, кто стоял за этими терактами, до сих пор нет. Эти события были использованы советским правительством для законодательного оформления «красного террора».

1948. 7 августа

Закончилась продолжавшаяся 8 дней сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина (ВАСХНИЛ), на которой была подвергнута разгрому научная («формальная») генетика, с одобрения Сталина объявленная «народным академиком» Т.Лысенко буржуазной лженаукой. Началось 15-летнее господство шарлатанских теорий Лысенко и его приспешников в биологии (вплоть до школьных учебников). Ученых, отказавшихся принять «идеи» Лысенко, начали изгонять с научной и преподавательской работы. После сессии ВАСХНИЛ все ведущие генетики были уволены. Преподавание генетики в школе и вузах было запрещено. Был арестован один из основателей отечественной медицинской генетики В.П.Эфроимсон, несколько ученых (генетики и те, кто выступал в их поддержку) покончили жизнь самоубийством.

1953. 1, 3-4 августа

Произошло подавление с применением оружия выступлений в особлагах — Речлаге (Воркута) и Горлаге (Норильск). Само выступление было спровоцировано администрацией (стрельба по жилым зонам, убийства охраной заключенных), предположительно, намеренно, с целью выявления и изоляции наиболее активных лагерников.

По статистике МВД, которую приводят исследователи, в Речлаге погибли 42 и были ранены 135 заключенных. Данные о жертвах в Горлаге разнятся: от 100 до 200 убитых и от 200 до 400 раненых. В 1954 г. оба особлага были упразднены, но это не означало отказа от труда заключенных. Так, перевод шахт комбината «Воркутауголь» на вольнонаемную рабочую силу тянулся до 1960 г.

1958. 29 августа

Поэт Валентин Соколов (1927–1982) был приговорен ростовским областным судом за «антисоветскую пропаганду» в стихах к 10 годам лагерей. Его псевдоним Валентин Зека автобиографически точен: поэт много лет провел за решеткой (в лагерях и психиатрических больницах). Впервые он был арестован в 1947 г.

«Я солдат и не в обозах. / Мне идти навстречу бурям. / Я поэт советских тюрем, / Не могу писать о розах. / Я приветствую восстание. / Враг застоя, враг упадка, / Враг советского порядка, / Я приветствую восстание». В середине 1960-х и в 1970-е гг. Соколов считался одним из лучших поэтов ГУЛАГа. Его стихи были известны в политическом лагерном мире, проникли в лагерный фольклор, они звучали на западных «голосах», получили высокую оценку А.Солженицына.

1963. 5 августа

Представители СССР, США и Великобритании подписали в Москве Международный договор о запрещении испытаний ядерного оружия в «трех средах» — в атмосфере, под водой и в космосе. Одним из инициаторов договора был академик А.Д.Сахаров, участвовавший

в создании водородной бомбы. В 1958 г. появились 2 его статьи о вредном действии радиоактивности ядерных взрывов на наследственность. В том же году Сахаров безуспешно пытался повлиять на продление объявленного СССР моратория на атомные взрывы. Следующий мораторий был прерван в 1961 г. испытанием сверхмощной 50-мегатонной водородной бомбы. Деятельность по запрещению испытаний ядерного оружия привела к острым конфликтам А.Д.Сахарова с коллегами и государственным властями, но все же в 1963 г. московский Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах был подписан.

26-28 августа

Произошли массовые беспорядки в г. Грозном, спровоцированные убийством 23 августа чеченцем русского рабочего. Александр Черкасов пишет, что сохранилась такая картина: тело убитого лежало на помосте, обложенное льдом, а вокруг трое суток шли митинги с требованием повторной депортации чеченцев. Существует версия, что волнения подстрекало местное партийно-советское руководство. При этом собравшиеся на стихийный митинг двинулись к обкому и в ночь с 26 на 27 августа взяли его штурмом. Они были вытеснены, но на следующий день вновь захватили здание. 27 августа было захвачено также здание КГБ. Волнения подавили войска, введенные из соседних регионов. Исследователи приводят такую статистику: 32 человека пострадали, в том числе 4 работника МВД, 10 человек были госпитализированы, 2 (из числа гражданских) умерли.

1968. 21 августа

Произошло вторжение войск 5 государств-членов Варшавского договора (СССР, Польши, ГДР, Болгарии и Венгрии) в Чехословакию с целью подавления «Пражской весны» — движения чешских коммунистов-реформаторов за более человеческий и свободный социализм. В результате интервенции погибли 108 и были ранены более 500 чехословацких граждан. Наиболее крупный контингент войск был введен из СССР. В результате ввода войск в ЧССР был прерван процесс политических и экономических реформ. Реформаторы были отстранены от должностей, начались репрессии.

25 августа

В Москве на Красной площади состоялась манифестация в знак протеста против вторжения войск в Чехословакию. Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг, Татьяна Баева в 12 часов дня сели на парапет у Лобного места и развернули плакаты на чешском и русском языках: «Позор оккупантам», «Руки прочь от ЧССР», «За нашу и вашу свободу», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». Демонстранты немедленно были схвачены и все, кроме Горбаневской, которая пришла на площадь с грудным ребенком, арестованы. В октябре 1968 г. пятеро манифестантов были осуждены по ст. 190-1 УК РСФСР («распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй») и 190-3 («групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок»). Делоне приговорили к 2 годам 10 месяцев лишения свободы, Дремлюгу — к 3

годами заключения. Бабицкий, Богораз и Литвинов получили различные сроки ссылки. Все они отказались признать себя виновными. Виктор Файнберг был признан душевнобольным и помещен в специальную психиатрическую больницу. Наталья Горбаневская была признана невменяемой и направлена на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

1973. Август

В советских СМИ была развернута кампания травли Андрея Дмитриевича Сахарова и Александра Исаевича Солженицына. Гнев властей вызвали их интервью западным корреспондентам. Андрей Дмитриевич так вспоминал об этой кампании: «Трудно объяснить людям, верящим в безоговорочные преимущества нашего строя, чем опасна закрытость общества, почему нужно добиваться соблюдения гражданских прав, свободы убеждений и информационного обмена, свободы выбора страны проживания... Для того чтобы осознать недостаточность провозглашаемых нашими руководителями лозунгов мира (даже искренне, как я лично думаю), нужно иметь некую глобальную и историческую перспективу, которая приобретается людьми лишь постепенно. Мои выступления, как мне кажется, способствуют развитию плюралистического, общемирового подхода в этих кардинальных вопросах и поэтому не мешают, а помогают делу сохранения мира. Хотел бы я на это надеяться!»

1978. 15 августа

В городе Электросталь Московской области выездная сессия Московского облсуда приговорила Александра Подрабинека к 5 годам ссылки за «клеветнические измышления» о советском строе. Правозащитник был одним из основателей и участником Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, проводившей большую работу по сбору информации о политических злоупотреблениях психиатрией, по оказанию помощи узникам совести, заключенным в психиатрические больницы, и их семьям. Подрабинеку удалось освободить нескольких узников специальных психиатрических больниц. Также он участвовал в издании «Хроники текущих событий».

Подрабинеку инкриминировалась опубликованная на Западе книга «Карательная медицина». Он отказался участвовать в суде и был удален из зала до конца процесса.

1983. 11 августа

Верховный суд Латвийской ССР приговорил Лидию Ласмане (Доронину) — медсестру, участницу движения сопротивления, распространителя сам- и тамиздата и бывшую узницу сталинских лагерей — к 5 годам заключения и 3 годам ссылки. Ей вменяли в вину распространение сам- и тамиздата. Суд квалифицировал это как антисоветскую агитацию и пропаганду.

1978. 5 сентября

Вышло постановление Совета народных комиссаров «О красном терроре». В кратком тексте постановления правительства большевиков сообщалось, что СНК заслушал доклад председателя Всесоюзной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и постановил: «При данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью». За этим следовало перечисление мер: усилить ВЧК партийными кадрами и «обеспечить Советскую

Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях». Расстрелу подлежали «все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

Статистика первых лет революции очень отрывочна, неясны временные границы «красного террора». Историки называют самые разные цифры: от нескольких тысяч расстрелянных до десятков тысяч. В ходе первой акции устрашения в Петрограде были расстреляны более 500 человек. Как подчеркивали активисты «Мемориала», именно 5 сентября 1918 г. террор впервые был официально провозглашен основой внутренней политики Советской России. Во исполнение этого документа были убиты тысячи людей, большинство из которых не совершили никаких преступлений. Их арестовали как заложников, то есть по социальным, сословным и профессиональным признакам, и расстреляли за действия, совершенные другими людьми.

1928. 18 сентября

Газета «Правда» вышла с анонимной передовицей «Коминтерн о борьбе с правыми уклонами». Под ударом оказался Н.И.Бухарин, осмелившийся критиковать сталинские планы ускоренной индустриализации и коллективизации. В 1929–1930 гг. идеолог партии и председатель Коминтерна Н.И.Бухарин и его единомышленники, члены политбюро А.И.Рыков (глава правительства) и М.П.Томский (председатель ВЦИСПС), обвиненные в «правом уклоне», были смещены с руководящих постов. Томский покончил жизнь самоубийством 22 августа 1936 г., узнав из газеты «Правда» о том, что против него, Бухарина и Рыкова дали показания Г.Зиновьев и Л.Каменев (процесс «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра»). Бухарина и Рыкова расстреляли в 1938 г.

1973. 1 сентября

В Москве завершился судебный процесс над Петром Якиром и Виктором Красиным. Вскоре после ареста летом 1972 г., подвергнутые мощному психологическому давлению, они начали сотрудничать со следствием, дали показания, в том числе о каналах передачи на Запад

Самиздата и о тех участниках правозащитной и самиздатской деятельности, которые не оглашали своих имен. По их показаниям были проведены многочисленные обыски и аресты. Издание «Хроники текущих событий» было приостановлено из-за угрозы, что выход каждого нового номера вызовет аресты произвольно намеченных жертв, пусть даже не имеющих отношения к выпуску ХТС.

Во время суда Якир и Красин полностью признали себя виновными, заявили, что раскаиваются в своей «антигосударственной деятельности, направленной и

финансированной иностранными спецслужбами». Подсудимые получили небольшие сроки наказания, вскоре замененные ссылкой. Впервые, начиная с 1965 г., властям удалось провести показательный политический процесс в выгодном для себя свете.

Инициативная группа по защите прав человека в СССР в ответ на раскаяние Якира и Красина распространила в сентябре 1973 г. заявление, в котором опровергла признания подсудимых. В мае 1974 г. выпуск «Хроники» возобновился.

20 сентября

Совет министров СССР организовал Всесоюзное агентство по авторским правам, обладавшее, согласно уставу, монопольным правом публикации советских авторов за границей. Так в СССР было организационно оформлено вхождение страны во Всемирную конвенцию по авторским правам. У диссидентов возникли опасения, что целью нового агентства станет противодействие несанкционированным публикациям советских граждан на Западе, которые предпринимались в обход цензуры. Владимир Войнович в открытом письме от 1 октября 1973 г. иронически предложил дать ВААП более соответствующее название ВАПАП — Всесоюзное агентство по присвоению авторских прав. Письмо было опубликовано за рубежом в журнале «Посев» (№11, 1973 г.). Но если такое предназначение для ВААП и имелось, то остановить неподцензурные заграничные публикации агентство не сумело.

1993. 21 сентября

Борис Ельцин подписал указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», предписывавший Съезду народных депутатов РФ и Верховному совету прекратить свою деятельность. Верховный совет и Съезд народных депутатов отказались подчиниться данному указу президента, квалифицировали его действия как государственный переворот, констатировали прекращение полномочий президента Ельцина с момента издания указа. Кульминацией противостояния стали «сутки

гражданской войны» в начале октября в центре Москвы. По официальным данным, тогда погибли 147 человек. Победил президент, опирающийся на силовиков, что оказало решающее влияние на события 1990-х гг., включая чеченские войны и трансформацию режима в России (Коган-Ясный В.В. Чеченские перекрестья: Статьи, очерки, документы. М.: ПЦ «Мемориал», 1995).

На снимке: Осужденные П.И. Якир (справа) и В.А. Красин во время пресс-конференции заместителя Генерального прокурора СССР М.П.Малярова, 1973 г.

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@ccknot.info

В подготовке номера участвовали Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельчева

Литературный редактор Л.М.Алексеева

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 145 от 28.09.2018 г. (август — сентябрь 2018). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно